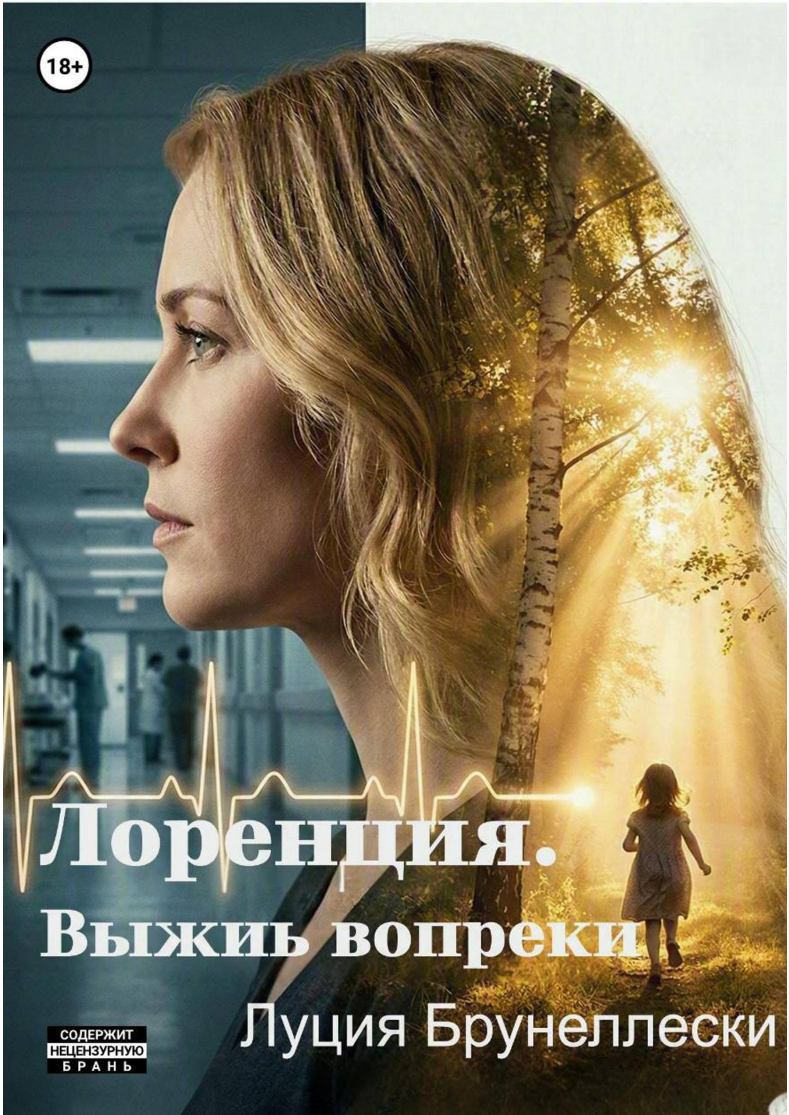
18+
Лоренция.
Выжить вопреки
Луция Брунеллески
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Луция Брунеллески

Лоренция. Выжить вопреки

https://litres.ru/74391179
SelfPub; 2026

Аннотация

Сюжет: Москва, 1997 год. Молодая мать-одиночка, клинический психолог с тяжёлым детдомовским прошлым, вынуждена защищать трёхлетнего сына сразу от нескольких угроз: бывший муж-абьюзер пытается отнять ребёнка, лидер Измайловской группировки вымогает деньги за «крышу», а единственная подруга предлагает решить вопрос кардинально — физически устранить мужа. Пытаясь спасти сына и не переступить личную моральную черту, героиня осознаёт, что за всеми угрозами стоит кто-то третий, а ключи к разгадке кроются в её собственном прошлом. Роман построен на двух параллельных временных линиях: детство героини, оборванное гибелью семьи (СССР, 1975–1988 гг.), и опасное настоящее (Москва, 1996–1997 гг.). Центральный конфликт книги — не просто выживание во внешнем хаосе, а внутренний выбор: сохранить человечность или победить любой ценой. Роман рассчитан на читателей, ценящих качественную психологическую прозу и историю 1980–1990-х г. По тональности книга близка к романам Дины Рубиной и Гузель Яхиной.

Содержание

Глава 1: От счастья до беды всего лишь миг 5
Глава 2: Цена спокойствия 18
(1997 год) 18
Глава 3: Никому не нужная 25
(1979 год) 25
(1997 год) 27
Глава 4: Побег из жестокой реальности 38
(1997 год) 38
Глава 5: Что там впереди? 50
(1979 год) 50
(1997 год) 55
(1996 год) 60
(1997 год) 68
(1993 год) 71
(1997 год) 75
Глава 7: В зеркале памяти 87
(1997 год) 87
(1975 год) 89
(1997 год) 98
Глава 8: Перекресток судьбы 103
(1997 год) 103
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Луция Брунеллески
Лоренция. Выжить вопреки

Лоренция. Выжить вопреки

Мне должно было исполниться семь лет, когда судьба впервые жестоко пошутила надо мной. Проснувшись утром, я обнаружила, что все, бывшее вчера, развеялось как пыль при легком дуновении ветра. Вчера у меня была счастливая семья: родители, бабушка, друзья, безмятежное детство и надежное будущее. Сегодня я проснулась сиротой, и впереди меня ожидал закон джунглей: «Сожрать или быть сожранным»...

P. S. Названия городов, заведений, имена и фамилии людей, а также прочие наименования изменены в целях сохранения конфиденциальности и охраны персональных данных.

Глава 1: От счастья до беды всего лишь миг

(1979 год)

Старый милицейский УАЗ, прозванный в народе «Бобиком», катился по разбитой дороге. Из кабины доносилось недовольное ворчание пузатого водителя. На улице стояла неимоверная для конца августа жара, и будка автомобиля раскалялась под палящим солнцем. Даже открытые окна не приносили облегчения. Весь в поту милиционер посмотрел через решетку на своего пассажира.

— Как ты там? Еще не задохнулась? — спросил он.

Маленькая девочка с опухшими от слез глазами словно и не слышала его вопроса. Упорно глядя через узкое зарешеченное окно на пролетающие мимо пейзажи, она мысленно звала: «Мамочка, папочка, вернитесь, пожалуйста!»

Страж порядка, не увидев никакой реакции со стороны ребенка, сплюнул в окно, вытер лицо платком и произнес:

— Что за чертовский день сегодня. И почему именно я должен везти этого заморыша в детский приют...

(1997 год)

Стук в дверь прервал воспоминания Лоренции. Она посмотрела на настенные часы и поняла, что за порогом находится следующий пациент, но так увлеклась прошлым, что

совсем не подготовилась к встрече.

«Ничего, — подумала она. — Сегодняшняя встреча у меня с ней впервые, так что особо применять какие-либо тесты и прочие психологические принадлежности не придется. Скорее всего, это очередная избалованная дамочка, которая не знает, чем заняться от безделья».

Еще один удар в дверь, в этот раз более интенсивный, заставил ее вздрогнуть.

«Что за манера так стучать?» — промелькнуло в голове Лоренции, и она ответила:

— Можете войти.

Дверь кабинета открылась, и первым до Лоренции донесся запах дорогих духов. Она подняла голову от блокнота, в котором начала делать первые пометки, и увидела перед собой молодую девушку лет двадцати пяти, очень скромно одетую на первый взгляд. Лишь немногие могли бы понять, что на самом деле на ней были джинсы, цена которых равнялась двухмесячной зарплате большинства людей, и блузка от французского кутюрье.

— Добрый день. Позволите войти? — неуверенным голосом, который звучал как мелодия журчащего ручья, очень тихо, но в то же время нежно и глубоко, спросила гостья.

— По-моему, вы уже вошли, — шутливым тоном ответила Лоренция, стараясь с первой минуты наладить непринужденную атмосферу с посетительницей.

Но девушка, видимо, находилась в большом стрессе, по-

скольку дружелюбный тон хозяйки кабинета либо не заметила, либо просто проигнорировала. Поняв это, Лоренция поднялась и вышла из-за стола навстречу визитерше.

— Да, пожалуйста, проходите, располагайтесь и чувствуйте себя как дома, — мягко произнесла она и протянула руку. — Меня, как вы, наверное, уже знаете, зовут Лоренция Бенетти. А вы, предполагаю, Алла? Проходите, пожалуйста, расслабьтесь и считайте меня своим другом.

Девушка посмотрела на нее большими голубыми глазами, в которых отражалось столько боли, что у Лоренции моментально пропало желание использовать веселый тон в общении. Она поняла, что перед ней стоит человек, не избалованный судьбой, которому сейчас точно не до шуток. Приняв серьезный вид, она еще раз произнесла:

— Проходите, пожалуйста. Слушаю вас. Что вас беспокоит?

Алла неуверенно подошла к креслу.

— Возможно, вам будет удобнее прилечь на диван? — предложила ей Лоренция.

— Нет, спасибо, я лучше присяду, — ответила гостья, опустившись на край кресла.

— Хорошо, как вам угодно, — ответила Лоренция, стараясь говорить тише, так как у нее сложилось впечатление, что если ее голос прозвучит чуть громче, девушка улетит как испуганный птенец.

Несмотря на то что она совсем недавно окончила универ-

ситет и получила профессию клинического психолога, Лоренция уже имела достаточный опыт, чтобы понимать психическое состояние людей. Кроме того, у нее была очень развита интуиция, которая не раз помогала выживать в этом жестоком мире. И сейчас шестое чувство подсказывало ей быть предельно нежной, потому что девушке требовалась помощь, а ее поведение указывало на то, что к этому решению она долго шла. Лоренция не села за стол, как обычно, а пододвинула стул так, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки от собеседницы, и присела напротив.

Алла смущенно опустила глаза, что вызвало у Лоренции очередной вопрос: «Что же тебя так терзает?» Как будто прочитав ее мысли, пациентка подняла взгляд, и у Лоренции похолодело на душе, когда она увидела ту же невыносимую тоску в глазах девушки.

— Заранее хочу поблагодарить вас, что вы нашли время для меня, — неуверенность в голосе Аллы немного уменьшилась.

— Не нужно меня благодарить, это моя работа. К тому же наш общий знакомый, который вам меня порекомендовал, сообщил, что вы особенно не доверяете психологам. И что вам просто нужно с кем-то поговорить. Я открыта для любых действий, лишь бы предоставить помощь нуждающимся. А судя по всему, вам она нужна, но вы по какой-то причине, которая мне еще не известна, боитесь ее просить.

— Да, вы совершенно правы, — ответила Алла, при этом

ее взгляд был направлен в сторону стола.

Лоренция проследила за ее направлением, пытаясь понять, что именно привлекло внимание гостьи.

— Это ваш сын? — через минуту молчания спросила Алла. Лоренция поняла, что все это время собеседница рассматривала фотографии, на которых был запечатлен ее маленький ребенок.

— Да, — коротко ответила Лоренция.

— Простите мое любопытство, — смущенно произнесла Алла. — У меня тоже есть сын, но ему уже семь лет.

В голове Лоренция пыталась определить, в каком возрасте Алла стала матерью, так как девушка выглядела лет на двадцать пять, не больше. Поскольку данных посетительницы у нее не было из-за отсутствия паспорта и подписанного договора о предоставлении услуг, Лоренция могла только предполагать возраст своей новой подопечной. Обычно она заранее подготавливала документы, заполняла данные и назначала дату первого приема. Так как ее частный кабинет был открыт недавно, Лоренция еще не могла позволить себе секретаря и выполняла всю административную работу сама. Понимая, что сейчас поступила не совсем профессионально, она встала и, подойдя к столу, взяла папку с бланками.

— Алла, перед тем как мы начнем, нам необходимо подписать договор о предоставлении услуг. Этот документ защищает как вас, так и меня. Все, что будет сказано в этой комнате, останется конфиденциальным, кроме информации,

касающейся убийств, угона, участия в террористической организации или причинения морального либо материального вреда другим. К сожалению, подобного рода сведения я обязана сообщить в органы внутренних дел. Если вы согласны, тогда я попрошу ваш паспорт для заполнения договора.

Все время, пока Лоренция объясняла условия сотрудничества, она внимательно следила за выражением лица Аллы. Изменение в ее мимике не ускользнуло от внимания психолога.

— Если позволите, мне нужно немного времени, чтобы подумать, — неожиданно объявила Алла, чем весьма удивила Лоренцию своим ответом.

«Кто ты, что тебя гложет и почему ты испугалась обычного договора?» — промелькнуло в голове Лоренции, но вслух она ответила как можно любезнее:

— Да, конечно, у вас будет столько времени, сколько необходимо для принятия верного решения. К вашим услугам. Вот моя визитка. Когда будете готовы встретиться и начать терапию, пришлите мне по факсу свой паспорт, и я назначу удобное для вас время. К сожалению, без подписанного договора я не смогу предоставить консультацию.

Закончив говорить, Лоренция внимательно посмотрела на девушку, пытаясь угадать ее дальнейшие шаги. В глубине души она все еще надеялась, что Алла достанет из сумочки документ и они сразу же подпишут бумаги, ведь эта скромная гостья вызывала у нее тысячу вопросов: почему в ее гла-

зах отражается столько боли? Но увы, реакция Аллы была иной. Она резко встала, протянула Лоренции руку и сказала:

— Еще раз благодарю за ваше время. Я подумаю, — и быстрым шагом направилась к выходу.

Лоренция смотрела ей в спину, ощущая легкое разочарование. Мало кто из ее частных клиентов вызывал у нее подобные чувства. Ей очень хотелось узнать все тайны этой хрупкой девушки и сделать все возможное, чтобы тоска в ее глазах сменилась счастьем.

У дверей Алла обернулась, взглянула на Лоренцию, и та ощутила, что эта девушка, должно быть, переживает нечто ужасное, иначе невозможно было объяснить ту бурю, что отражалась в ее взгляде.

— До свидания, госпожа Бенетти, — ее голос прозвучал так, будто она шла на гильотину: страх, смешанный с маленькой надеждой, что может произойти чудо и она будет спасена от казни. Попрощавшись, она закрыла за собой дверь, не дожидаясь ответа.

— До свидания, — ответила Лоренция, понимая, что Алла вряд ли услышала ее.

После ухода пациентки Лоренция еще минуту стояла, анализируя возникшее у нее чувство от этой встречи. Что-то непостижимое произвело на нее глубокое впечатление, и она верила, что эта девушка, в глазах которой отражалась такая боль, неспроста появилась в ее жизни. Всегда доверяя своей интуиции, в этот раз она также внимательно прислушалась

к ней.

Звук факса вывел ее из раздумий. Она подошла к аппарату и увидела копию паспорта женщины, с которой вчера договорилась о консультации. Еще одно легкое разочарование наполнило ее душу, но она быстро взяла себя в руки, подумав, что, возможно, судьбе угодно будет снова свести ее с Аллой. Взяв документ, Лоренция начала заполнять договор, так как до встречи со следующим пациентом оставалось еще полтора часа. Однако непонятное чувство от знакомства с таинственной посетительницей не покидало ее.

Отложив ручку, она пересела в кресло и расслабилась. Закрыв глаза, попыталась понять свое состояние души, которое было ей знакомо, но она не могла вспомнить, когда последний раз испытывала такое смешение любопытства и разочарования. Вдруг память вернулась к далекому дню, когда она испытала подобное чувство: маленькая лысая девочка в одежде на два размера больше, которую она впервые увидела через решетчатое окно, когда милицейский автомобиль в тот далекий августовский день въехал на территорию детского дома.

Воспоминания, как кадры кино, начали всплывать в памяти Лоренции. Этот день она никогда не сможет стереть из памяти....

(1979 год)

В будке «Бобика» стоял душный, горячий воздух вперемешку с запахом пота обозленного толстого милиционера.

Маленькая девочка, прижавшись в угол, не могла дождаться, когда они доедут до места, которое с сегодняшнего дня станет ее домом. Несмотря на то что Лоренции только должно было исполниться семь лет, она уже перешла во второй класс. Малышка родилась в ноябре, и родители предпочли отдать ее в школу раньше срока — в пятилетнем возрасте. Поступая в первый класс, ребенок уже умел читать, писать, и ее способности были на уровне ученика второго класса, но, к сожалению, ее не могли сразу перевести туда, так как этого не позволяло законодательство.

Но вопреки всем знаниям девочка не понимала, что происходит и почему она оказалась в этой машине. Как папочка мог позволить, чтобы ее увезли? Ее любимый, дорогой папочка. Слезы вновь покатились по щекам ребенка, и вместе с ними в голове всплыли жестокие слова женщины из социального отдела: «Ты меня слышишь? Твоих родителей уже нет, и бабушки тоже. У тебя есть еще кто-то из родственников?» Но девочка молчала, и только слезы текли по ее лицу.

— Да ты что, глухонемая? Или идиотка? — почти криком пыталась что-то разузнать эта женщина, у которой, было видно, терпение вот-вот лопнет.

Более двух часов она старалась получить от нее хоть какую-то информацию, но та лишь упорно безмолвствовала. Даже ответ председателя сельсовета села, в котором проживала бабушка девочки, весьма тепло отзывавшегося о сироте и говорившего, что ребенок нормальный и еще вчера он

слышал, как она разговаривает (причем вполне разборчиво), не смог убедить работника соцслужбы, что со здоровьем все в порядке. Потеряв остатки терпения, женщина махнула рукой и объявила:

— Оформлю тебя в школу-интернат, а там пусть разбираются — нормальная ты или нет, есть кто-то или нет...

Машина остановилась перед входом старого здания, и весь пропотевший милиционер, кряхтя, вышел из кабины.

— Принимайте следующего заморыша! — крикнул он и открыл задние двери УАЗа. — Выходи, приехали, — сказал он девочке, но та еще сильнее сжалась в углу. — Выходи, кому сказал! Не заставляй меня силой тебя вытаскивать!

Но она лишь еще сильнее поджала под себя ноги и вся съежилась, готовясь принять удар. Так же она поступала каждый раз после случая, когда мама разозлилась и ударила ее. Хотя после того одиночного инцидента мать больше никогда ничего подобного себе не позволяла, девочкин инстинкт срабатывал каждый раз, когда она думала, что ее хотят ударить.

— Кого вы нам привезли, Петр Семенович? — неожиданно раздался женский голос.

— Голубушка моя, Вера Сергеевна, ну как всегда — следующего отпрыска, который вам будет портить нервы, — с притворной любезностью ответил милиционер.

— О, мой дорогой Петр Семенович, прошу по поводу моих нервов не беспокоиться. Еще не родился бастард, который бы сумел мне нервы портить, — также фальшиво улыбаясь,

ответила женщина.

Невысокого роста, худощавого телосложения, с крючковатым носом, она напоминала ребенку ведьму из тех сказок, что та прочитала, но на самом деле была заместителем директора детского дома. Заглянув внутрь будки УАЗа, Вера Сергеевна пыталась разглядеть девочку, однако та, скрючившись, прятала голову руками.

— Что это с ней? — спросила Вера Сергеевна.

— Да Бог ее знает. В отделе опеки сказали — скорее всего, умственно отсталая. За всю дорогу не проронила ни слова, лишь иногда мычала как звереныш какой-то, — ответил милиционер и протянул папку с документами. — Вот ее дело.

Вера Сергеевна открыла обложку и начала вслух читать:

— Лоренция Альбертовна Бенетти, рожденная первого ноября 1972 года в городе Саранске. Родители: мать — Анастасия Николаевна Бенетти, урожденная Соколова, русская; отец Альберто, переименован на Альберт Виторович Бенетти, итальянец. Братьев и сестер не имеется.

Пробежав глазами следующие страницы, она закрыла дело и ехидным тоном произнесла:

— Дорогуша, выходит, ты у нас капиталистический отпрыск наполовину. Ну ничего, мы сумеем привить тебе любовь к нашей коммунистической власти. Выходи немедленно, пока я сама туда не вошла и не вышвырнула тебя.

Но девочка еще больше вжалась в угол. Вера Сергеевна выглянула из-за машины и закричала:

— Вовочка! Пойди сюда, дорогой!

Высокий пацан со взглядом матерого хулигана подошел к автомобилю.

— Слушаю вас, Вера Сергеевна, — произнес он как послушный слуга.

— Вытащи эту дуру из кузова, потому что добровольно выходить она не желает, — злобно произнесла заместитель директора.

— Слушаюсь, Вера Сергеевна! — послушно ответил парень и ловко вскочил внутрь.

Девочка, поняв, что ее сейчас будут силой вытаскивать, схватилась своими маленькими ручками за решетку, отделяющую водителя от пассажиров, и начала отбиваться ногами, при этом мыча и рыча как маленький тигренок.

— Да ты бешеная! — простонал Вова, получив сильный удар между ног. — Ну подожди, я тебе сейчас покажу, где раки зимуют!

Со всей силы хулиган схватил девочку за щиколотки и потянул к себе. От резкого рывка ее пальцы оторвались от решетки; она упала на пол и сильно ударилась головой. Подросток, не желая получить второй удар, сгреб ее в охапку и выпрыгнул из машины. Но малышка больше не сопротивлялась. Подняв за волосы ее голову, Вера Сергеевна поняла, что ребенок потерял сознание: руки безвольно болтались, а ноги подогнулись. Если бы Вова не держал ее, она бы упала на землю.

— Отнеси ее в изолятор, — холодно приказала заместительница. — Пусть наголо побреют, искупают, и затем приведи в мой кабинет для оформления.

И, обернувшись к милиционеру, с притворной слащавостью в голосе произнесла:

— Петр Семенович, голубчик, вы, наверное, устали с дороги. Пройдёмте ко мне в кабинет, я вас угощу холодным кваском.

— О, Вера Сергеевна, вы, как обычно, очень любезны! С удовольствием приму ваше приглашение, — искренне обрадовался водитель, ибо от жажды его горло уже совсем пересохло.

Вера Сергеевна, виляя бедрами, направилась к входу; за ней, как послушный пес, следовал милиционер.

Глава 2: Цена спокойствия

(1997 год)

Лоренция внимательно разглядывала женщину, минуту назад вошедшую в ее кабинет. Посетительница вела себя так, будто ей принадлежал весь мир, включая саму Лоренцию. Безвкусный, можно было даже сказать, пошлый наряд гостьи свидетельствовал о том, что она принадлежит к числу тех богачей, которые после распада Советского Союза мгновенно обогатились нечестным путем. «Из грязи в князи» — так в народе называли подобных людей.

— Вы что, испанка или итальянка? — бестактно полюбопытствовала женщина.

— Отчасти, — коротко ответила Лоренция и добавила: — И правильно говорить не «что», а «кто».

Все ее существо сопротивлялось общению с этой особой, но, к сожалению, хозяйке кабинета приходилось принимать и таких клиентов. Работа психологом была успешной и престижной в Америке, однако в России большинство населения едва зарабатывало на хлеб и уж тем более не могло оплачивать услуги частного специалиста. Служба в государственной психиатрической больнице не приносила достойного дохода. Как и во многих других учреждениях, зарплаты там

часто задерживали — иногда на несколько месяцев. Поэтому сразу после получения лицензии Лоренция открыла свой психологический кабинет. Это было необходимо как для заработка, так и для того, чтобы помогать тем, у кого не хватало средств в эти трудные времена. Шел 1997 год — время, мало что сулившее хорошего.

— О, мадам! Прошу простить меня, — сарказм незнакомки вывел Лоренцию из раздумий. — Я вовсе не хотела вас обидеть, — продолжила она тем же тоном.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, Марина Витальевна — ведь так вас зовут? Вы меня совершенно не обидели, — равнодушно ответила Лоренция, намеренно обратившись к ней по имени и отчеству, записанным на этот час. — Прошу, располагайтесь поудобнее, и давайте начнем. Что привело вас ко мне? Личные проблемы или беспокоит душевное состояние кого-то из близких? — произнесла она на одном дыхании.

Ей совершенно не хотелось давать посетительнице возможность снова продемонстрировать свое превосходство лишь потому, что та была одета в дорогие фирменные вещи. Но женщина только фыркнула и вместо того, чтобы присесть, направилась к окну.

— Да, районч ик не очень. Могла бы и получше аренду найти, — весьма дерзко заявила она, бесцеремонно перейдя на «ты».

— Простите?! — от изумления Лоренция больше ничего произнести не смогла.

— Говорю же, район не для уважаемых людей — сюда вряд ли захотят приходить те, кто разъезжает на «мерседесах» и носит дорогие костюмы, — словно издеваясь, продолжала гостья.

«Имеете в виду подобных вам?» — промелькнуло у Лоренции в голове. Она прикусила язык и взяла себя в руки, несмотря на то что гордость требовала немедленно выставить эту наглую особу за дверь. Сохраняя на лице доброжелательную улыбку, она ответила:

— Марина Витальевна, очень прошу вас не беспокоиться о моем благополучии и о том, кто решит воспользоваться моими услугами. Это вас не касается. Если месторасположение кабинета кажется вам неудовлетворительным, предлагаю подыскать другого психолога, например, принимающего на Арбате.

— О, голубушка, вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что меня это не касается. И что мне не нужно решать, кто будет приходить сюда и сколько станет платить. Касается, и еще как сильно, именно меня.

От услышанного у Лоренции едва челюсть не отвисла. Не зная, как реагировать, она направилась к шкафу, где хранились папки с данными. По пути она лихорадочно пыталась сообразить, каким именно недугом страдает визитерша. Признаки манипуляции и мания величия проявились у той с первой же минуты. Кем она была? Обычным психологическим агрессором, получающим удовольствие от подавле-

ния других ради достижения своих целей, или же это первые симптомы социопатии и маниакального расстройства психики?

В это время женщина подошла к рабочему столу и без зазрения совести начала рыться в лежащей там папке Аллы. Увидев это, Лоренция потеряла остатки терпения и метнулась назад, чтобы захлопнуть документы.

— Как вы могли себе такое позволить — рассматривать чужие конфиденциальные данные? — повышенным тоном произнесла она. — Вам что-нибудь говорит врачебная тайна? Прошу немедленно покинуть мой кабинет!

Но та, видимо, совершенно не обратила внимания на гневные слова и вместо того, чтобы уйти, наоборот, шагнула к ней вплотную. Лоренция почувствовала легкий страх — тот самый, который она неоднократно испытывала, когда к ней близко подходили пациенты с тяжелыми психическими заболеваниями. Она слишком хорошо помнила инцидент, произошедший во время ее первой практики. Тогда они, молодые студенты — будущее отечественной психиатрии, — из всего делали шутку, что в итоге закончилось трагедией для ее однокурсницы. С тех пор Лоренция всегда была начеку, готовая защитить себя.

Но в этот раз ей на помощь пришел спасительный стук в дверь. Женщина отступила на шаг, а Лоренция попыталась перевести дух.

— Да, войдите, — слегка дрожащим голосом произнесла

она.

В дверной проем просунулась голова мужчины, который, заметив, что доктор не одна, собирался было закрыть дверь.

— Простите, мы опоздали, и вы, наверное, приняли следующего клиента, — сообщил он, чем вызвал у Лоренции легкое замешательство.

— Следующего? Вы опоздали? Я чего-то не понимаю, — растерянно произнесла она и повернулась к женщине у окна. — Вы кто такая? Разве вы не Марина Витальевна?

Мужчина, услышав имя, неуверенно произнес:

— Вообще-то мою жену зовут Марина Витальевна.

Лоренции казалось, что все происходящее — какой-то дурной сон. Обнаглевшая баба, которая полчаса портила ей нервы; мужчина, бормочущий под нос о настоящей Марине Витальевне; странная Алла, оставившая после себя столько вопросов и сбежавшая, едва услышав слово «договор»...

«Боже, наверное, я и сама уже схожу с ума», — промелькнуло в ее голове. Но взяв себя в руки, она достаточно твердо потребовала у сидящей у окна особы:

— Прошу предоставить ваш паспорт.

— Голубушка, простите мне мою невоспитанность. Я просто не успела представиться. Меня зовут Диана Дмитриевна, но близкие зовут Динкой Измайловской.

Лоренцию мгновенно бросило в жар. Она прекрасно знала, кто такая Динка Измайловская, несмотря на то что ни разу не встречала ее до этой минуты. И мужчина в дверях,

видимо, тоже отлично понимал, о ком речь, потому что его голова исчезла из проема молниеносно.

Динка Измайловская была одним из главарей Измайловской бандитской группировки, сформировавшейся из молодежных банд, орудовавших на востоке Москвы еще с 1980-х годов. В нее входили не только спортсмены, но и так называемые «синие» — уголовники с солидным криминальным стажем. ОПГ специализировалась на рэкете, наркоторговле, разбоях, грабежах и заказных убийствах. Нередко происходили жестокие перестрелки с силовиками, охотившимися на лидеров банды, но преступникам почти всегда удавалось скрыться.

«Возьми себя в руки и не показывай страх», — мысленно повторяла Лоренция одну и ту же заезженную фразу, надеясь защитить свой внутренний мир от этой опасной гостьи. Она прекрасно понимала, зачем бандитка явилась к ней. Конечно же, не за психологической помощью, а чтобы объявить ежемесячную таксу за так называемое «крышевание» — проще говоря, за вымогательство под видом охраны от других банд.

Лоренция осознавала, что заверения полковника Александра Савельева, который гарантировал, что ни один рэкетир не сможет вынудить у нее ни копейки, сейчас бесполезны. Нужно было срочно что-то придумать, чтобы поскорее избавиться от преступницы, причем навсегда. Она лихорадочно пыталась вспомнить фамилию одного из бывших Динкиных боссов — из тех, кто никогда не бывает «бывшим», а

лишь меняет бандитское кресло на политическое, — но как на зло, память подводила.

— Простите меня, пожалуйста, Диана Дмитриевна, я совершенно не знала, с кем имею честь общаться, — как можно любезнее произнесла Лоренция, хотя ее почти стошнило от необходимости так притворяться. — Если бы я с самого начала понимала, что меня посетил столь глубоко уважаемый гость, я бы вела себя иначе. Но теперь, когда недоразумение уладилось, позвольте полюбопытствовать: чем я могу быть вам полезна?

Динка за все это время даже бровью не повела — фальшивый тон Лоренции она раскусила вмиг.

— Дорогуша, не стоит так напрягаться. Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь. Районч ик хотя и не мой, но принадлежит к территории нашей организации, так что каждый месяц десятого числа лично мне будешь передавать пятьсот долларов.

От названной суммы у Лоренции закружилась голова. Ей этих денег за весь год было не заработать, не то что за месяц.

— Простите? — едва придя в себя от испытанного шока, выдохнула она. — Сколько вы сказали?

— Пятьсот долларов, — совершенно спокойным голосом повторила рэкетирка.

Глава 3: Никому не нужная

(1979 год)

Очнувшись в медицинском изоляторе, маленькая девочка испуганными глазами посмотрела на сидящего за столом мужчину в белом халате.

— Уже очнулась, — услышала она голос за спиной и, повернув голову, увидела того самого подростка, который силой вытащил ее из милицейской машины.

Со скоростью звука она метнулась к дверям, но те оказались заперты.

— Куда ты собралась, придурочная? — Вова оказался столь же ловким и быстрым: за секунду он преградил ей путь, крепко схватил за длинную косу и дернул к себе.

От боли перед глазами поплыли черные круги, но, не растерявшись, малышка резко развернулась и со всей силы вцепилась зубами в его руку.

— Да она бешеная! — с болезненным вздохом выкрикнул парень и, выпустив ее волосы, отскочил в сторону.

Все произошло настолько стремительно, что доктор, сидевший за столом, успел лишь отодвинуть стул, собираясь подняться. Лоренция заметила, что в его руке зажат шприц. Поняв, что этот укол предназначен ей, она вновь отчаянно

рванула за ручку двери, но тщетно. Последнее, что она запомнила перед тем, как опять провалиться в небытие, — страшный оскал врача, вонзившего ей в шею конскую дозу успокоительного...

(1997 год)

«Боже, почему все именно так? Чем я заслужила столько неприятностей и страданий? Чьи грехи вынуждена искупать?» — простонала Лоренция, прерывая затянувшиеся воспоминания.

После ухода рэкетирки она так и осталась стоять посреди кабинета в полном ступоре, не способная сделать и шага. Разум упрямо уносил ее в прошлое, и картины детства одна за другой всплывали в сознании, точно кадры из старой киноленты. О том, что в приемной все еще дожидаются своей очереди люди, она вспомнила лишь минут через пять. Объятая подсознательным страхом, Лоренция все же заставила себя стряхнуть оцепенение и неуверенно направилась к выходу.

— Проходите, пожалуйста, — тихим голосом произнесла она, приоткрыв дверь.

Мужчина выглядел не на шутку напуганным, а вот лицо его супруги оставалось абсолютно безэмоциональным. Этот вид заставил Лоренцию мгновенно вернуть профессиональный настрой и на время забыть о собственных проблемах.

Она распахнула дверь шире и уже более уверенно спросила:

— Я так понимаю, вы и есть Марина Витальевна? — обратилась она к женщине, но та смотрела сквозь нее, будто

перед ней была пустота.

— Да, это моя жена, Марина Витальевна, — поспешно отозвался мужчина, словно боясь, что психолог передумает и закроет дверь прямо перед их носом.

— Тогда заходите, пожалуйста. И прошу прощения за неприятный инцидент, свидетелями которого вы невольно стали.

Мужчина поднялся и, аккуратно взяв спутницу под локоть, произнес:

— Ничего страшного, мы все понимаем. Время сейчас смутное, — и, повернувшись к жене, добавил почти шепотом: — Пойдем, дорогая. Доктор тебя уже заждалась.

Женщина подняла на него непонимающий, отсутствующий взор:

— Доктор? А зачем?

С бесконечной нежностью в голосе он ответил:

— Моя дорогая, этот специалист тебе поможет. Пойдем, солнышко.

Она нехотя поднялась и вошла в кабинет. Лоренция, пропустив посетителей вперед, еще раз бегло осмотрела приемную, словно желая окончательно убедиться, что криминальный авторитет Динка Измайловская действительно ушла. Удостоверившись, что в коридоре никого нет, она заперла замок и вернулась к рабочему столу.

— Попрошу ваш паспорт, направление от психиатра, а также, если имеются, ваши данные и выписки, — обратилась

она к мужчине, заметив, как бессмысленно блуждает взгляд его супруги.

Тот молча открыл дамскую сумочку, которую все это время крепко прижимал к груди, и выложил на стол необходимую документацию.

— Вы, пожалуйста, присаживайтесь пока там, — Лоренция указала рукой на кресло в дальнем углу кабинета, — а вас, Марина Витальевна, я попрошу сесть здесь.

Как можно осторожнее она взяла пациентку за плечи и усадила на мягкий диванчик напротив своего стола.

— Пока я оформлю все необходимые бланки, чтобы мы могли официально начать нашу терапию, расскажите мне немного о себе, — мягко попросила она, возвращаясь к бумагам.

Но Марина Витальевна лишь уставилась в пол, не проронив ни звука.

— Вы знаете, она после случившегося почти совсем не разговаривает, — с глубокой грустью пояснил муж.

Лоренция подняла взгляд от эпикриза из психиатрической больницы, внимательно посмотрела сначала на больную, затем на ее супруга и с состраданием произнесла:

— Мне очень жаль. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вашей семье. Вас, кстати, как зовут?

Мужчина быстро поднялся и, слегка склонив голову в старомодном, изысканном поклоне, ответил:

— Простите мою невыносимую невежливость, в этой су-

матохе я совсем забыл представиться. Ваш покорный слуга, Артур Валерьевич, к вашим услугам.

То, как серьезно и галантно он это произнес, невольно вызвало у Лоренции теплую улыбку.

— Очень приятно, Артур Валерьевич. Мое имя вам уже известно, так что, думаю, нет нужды представляться снова.

Вернувшись к изучению документов, Лоренция то и дело бросала изучающие взгляды на сидящую напротив Марину Витальевну. Диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) в последние годы стал пугающе часто фигурировать в выписках психиатрических лечебниц. Полный беспредел в стране — жестокие убийства, насилие, грабежи, вымогательства и прочий хаос, с которым ежедневно сталкивались миллионы людей после распада СССР, привели к тому, что от этого недуга приходилось лечить тех, кто еще вчера был абсолютно здоров. Но психическое расстройство, вызванное потерей ребенка, оставалось одним из самых страшных, разрушительных и тяжело поддающихся терапии видов ПТСР.

Лоренция прекрасно понимала состояние этой несчастной, ведь сама еще ребенком пережила гибель всех любимых людей и долгие годы боролась с аналогичным диагнозом. Но остаться сиротой в нежном возрасте — это все же иное, нежели потерять собственного малыша. С подобными трагедиями, несмотря на пока еще недолгую частную практику, она уже сталкивалась и понимала: этой семье необхо-

димо помочь вопреки всему и как можно скорее.

Взяв в руки блокнот, она подошла к Артуру Валерьевичу, который тихо сидел, низко склонив голову.

— Артур Валерьевич, — позвала она его, стараясь скрыть сквозящую в голосе жалость. — Нам нужно составить четкое расписание посещений, поскольку процесс исцеления предстоит долгий и, возможно, весьма тяжелый. Если вам будет трудно постоянно возить супругу ко мне, я могу навещать вас на дому в любое удобное время.

Ее слова, судя по всему, сильно смутили и встревожили мужчину. Он поднялся и неуверенно выдавил:

— Я думал, мою жену просто поставят на учет, и раз в полгода она будет приходить на обычную проверку...

— Нет, этого слишком мало. Ваша супруга нуждается в полноценной терапии и регулярных сессиях. Если по каким-то причинам я вас не устраиваю как специалист, я с готовностью выпишу рекомендацию к любому другому психологу, которого вы выберете. Но спасать Марину Витальевну нужно немедленно.

— Вы меня, наверное, неправильно поняли, — едва слышно произнес Артур Валерьевич. — Дело вовсе не в том, что вы нас не устраиваете. Мы просто... не можем себе позволить оплатить такое лечение, — совсем поникшим голосом добавил он.

Лоренции показалось, что за эти несколько секунд мужчина постарел сразу на десять лет. Она решительно открыла

ежедневник и как можно бодрее произнесла:

— Знаете, далеко не все в этой жизни измеряется деньгами, и далеко не все можно купить. Так что забудьте о финансовых вопросах — вам не придется платить ни копейки.

Посетитель удивленно уставился на нее и, судорожно сглотнув воздух, переспросил:

— Совсем ничего не нужно платить?

— Да, вы все расслышали абсолютно верно. Я буду проводить все сеансы с вашей женой совершенно бесплатно, — еще более уверенно заверила его Лоренция.

— Но как же так... Как вам тогда удастся расплатиться, например, с теми самыми рэкетирами, если вы станете работать даром? — выражение лица Артура Валерьевича сделалось таким, будто он столкнулся с невиданным чудом.

Лоренция, грустно улыбнувшись, ответила:

— Мне искренне жаль, что вам пришлось стать свидетелями моей неприятной беседы с госпожой Дианой Дмитриевной — той самой Динкой Измайловской. Но уверяю вас: это всего лишь досадный рабочий момент, к сожалению, не первый и далеко не последний в моей практике. И с этой проблемой, которая касается исключительно меня, я с легкостью справлюсь.

Последнюю фразу Лоренция выпалила на одном дыхании, отчаянно пытаясь не выдать сковавший внутренности страх. В глазах Артура Валерьевича блеснули две скупые слезы, которые он торопливо смахнул рукавом, деликатно отвернув-

шись. А сама Лоренция понимала, что вновь нарушила главный профессиональный запрет и не смогла остаться равнодушным, холодным наблюдателем, тем самым создав себе очередные хлопоты. Но, отмахнувшись от этих мыслей, она открыла календарь на ноябрь и вопросительно посмотрела на мужчину.

Тот, сообразив, что от него требуется, сперва опустился на стул, но тут же, осознав, что Лоренция все еще стоит, снова вскочил, протянул ей руку и горячо произнес:

— Вы даже представить себе не можете, как мы вам благодарны. Но принимать подобный дар я просто не имею права. Вы нас только, пожалуйста, направьте к государственному психиатру, и на этом разойдемся.

Лоренция от такой поразительной гордости едва не лишилась дара речи. Напустив на себя строгий вид, она резко спросила:

— Артур Валерьевич, вы любите свою жену?

Мужчина, явно не ожидавший такого прямого вопроса, растерянно заметался по комнате. Спустя пару минут он тихо ответил:

— Да, я безумно люблю свою жену.

— Тогда, если вы действительно дорожите ею, неужели вам легко изо дня в день наблюдать за тем, как она медленно угасает?

— Да, вы правы... Мне невыносимо видеть ее мучения, — выдохнул он. — Но как я могу позволить, чтобы из-за наших

несчастий страдал кто-то другой?

— Если вы имеете в виду меня, то повторяю: не беспокойтесь. Когда я пойду по миру и больше не смогу вести вашу супругу бесплатно, я сразу же вам об этом сообщу. Но пока у меня есть силы, я сделаю все, чтобы вернуть ей вкус к жизни. Поэтому прошу вас, давайте бороться вместе.

Артур Валерьевич медленно подошел к Лоренции и едва слышно обронил:

— Давайте.

Через несколько минут в расписании были зафиксированы даты первых десяти сессий. Мужчина, все еще находясь под глубоким впечатлением, твердо пообещал, что при первой же возможности обязательно возместит стоимость каждого проведенного сеанса. Лоренция мягко поблагодарила его и вернулась к рабочему месту. В висках медленно, но уверенно начинала пульсировать знакомая головная боль. За последние два часа она не выпила ни глотка воды, что лишь ускорило приход жестокой мигрени.

— Могу я предложить вам стакан воды? — обратилась она к гостю, наливая жидкость из графина себе.

— Да, спасибо, — согласился он.

— Марина Витальевна, пожалуйста, выпейте немного, — Лоренция протянула стакан женщине, даже не спрашивая, хочет ли та пить.

Но пациентка резко отвернулась, дернув рукой с такой силой, что психолог едва удержала стеклянную емкость. Артур

Валерьевич порывался было вмешаться, но Лоренция повелительным жестом остановила его. Отставив воду, она придвинула стул ближе и села прямо напротив несчастной. Не глядя на нее, доктор заговорила негромким, гипнотическим голосом:

— Несколько дней назад я слушала, как один мой приятель-психотерапевт увлеченно рассказывал о своей пациентке. Женщина попала в страшную аварию, из-за чего ее конечности оказались полностью парализованы, и теперь она круглосуточно испытывает дикую боль. Я слышала эту историю уже раз десять, но меня всякий раз до глубины души шокирует одна вещь. Знаете, что он сказал этой бедняжке? Что трагедия привела к позитивным изменениям в ее жизни. «Все в мире происходит не случайно», — вот его буквальные слова. Меня искренне поражает, насколько эта пошлая банальность укоренилась даже в профессиональной среде. Ведь подобные фразы ранят, ранят жестоко. Он всерьез пытался доказать, что увечье заставило женщину расти духовно. А я считаю, что это полный бред. Чудовищная авария просто сломала ее жизнь и в один миг разрушила все мечты — вот что случилось на самом деле, и абсолютно ничего хорошего в этом нет.

Сделав паузу в монологе, Лоренция внимательно вгляделась в лицо больной. Убедившись, что та замерла, хоть внешне и не изменилась, она продолжила:

— Так вот, идея о том, что «все в жизни происходит не

случайно» — глупый миф. Самое страшное, что подобный настрой мешает нам делать то единственное, что мы просто обязаны делать, когда случается беда, — горевать. Как правильно говорил мой университетский профессор: «Кое-что в этой жизни нельзя исправить. Это можно только пережить». Мы ведь горюем не только тогда, когда кто-то из близких умирает. Мы предаемся глубокой печали, когда рушатся надежды, уходят любимые или настигает смертельная болезнь. Нельзя исправить потерю ребенка или предательство родного человека — это можно только пережить. И когда мы твердим своим друзьям и близким эти утешительные штампы, пусть даже из лучших побуждений, мы попросту отказываем им в священном праве на скорбь, тоску и слезы.

Я сама в детстве пережила колоссальную потерю, и меня по сей день терзает глухое чувство вины за то, что я дышу и живу, а моих родных больше нет на этом свете. Моя боль никуда не ушла, я просто со временем научилась направлять ее в работу, чтобы острее чувствовать тех, кому действительно нужна помощь. Но ни при каких условиях мне бы не пришло в голову заявить, что та детская трагедия стала неким «подарком судьбы», помогшим мне вырасти профессионально. Утверждать такое — значит топтать память тех, кого я лишилась слишком рано, и предавать тех, кто столкнулся с аналогичной бедой, но не сумел с ней справиться. И я не собираюсь притворяться, будто мне было легко, потому что я якобы «сильная» или «успешная». Мы все делаем то, что можем,

лишь бы заглушить, вытеснить или хоть как-то трансформировать этот ужас.

Но стоит человеку столкнуться с истинным несчастьем, как окружающие тут же превращаются в ходячие сборники банальностей. А ведь последнее, в чем нуждается раздавленная горем душа, — это дежурный совет или поучительное наставление. Самое важное, в чем мы отчаянно нуждаемся, — это понимание. Обычное человеческое понимание. Оно не требует дипломов, навыков или подготовки, это всего лишь искренняя готовность быть рядом и разделять тишину столько, сколько потребуется. Мы так редко позволяем себе добровольно заходить в эту серую зону — зону чужого кошмара и боли, — но ведь именно там, на самом дне, кроются корни исцеления. И оно начинается только тогда, когда находится кто-то, готовый спуститься туда вместе с нами.

Повернувшись всем корпусом к пациентке, Лоренция бережно накрыла своими ладонями ее холодную руку и, отчаянно пытаясь поймать ее блуждающий взгляд, тихо произнесла:

— Марина Витальевна, я готова пойти с вами в эту серую зону. И я обещаю, что мы будем преодолевать эту боль совместно. Вы только, пожалуйста, разрешите мне это.

Женщина впервые медленно подняла полные слез глаза и едва слышно выдохнула:

— Разрешаю.

Глава 4: Побег из жестокой реальности

(1997 год)

Головная боль становилась невыносимой. Лоренция посмотрела на часы и вновь погрузилась в изучение документов Марины Витальевны. Смерть долгожданного ребенка полностью уничтожила психическое здоровье этой женщины. Даже полгода, проведенных в стационаре — потому что её никак не могли вывести из глубочайшего ступора после тяжелой попытки суицида, — не принесли ей особого облегчения. Конечно, она стала вести себя спокойнее, без истерических выпадов и суицидальных попыток, но желание жить к ней так и не вернулось.

Лоренция еще раз пробежала глазами страницу с ключевыми симптомами, подчеркнув следующее:

злость, напряжение и нервозность;

повышенное потоотделение, гипервентиляция, учащенное сердцебиение;

расстройство избегания;

кошмары, плохой сон;

острое чувство вины за произошедшее;

негативное мышление, пессимизм;

избегание эмоций, связанных с пережитым горем.

Вернувшись на первую страницу выписки, она прочитала вслух рекомендации предыдущего лечащего врача: «Психотерапия, медикаментозное лечение и комбинированная терапия (психотерапия + медикаменты)».

— Мда, — вздохнула она, откладывая бумаги в сторону. — Поскольку все люди уникальны, влияние ПТСР проявляется по-разному, а следовательно, лечение, эффективное для одного человека, может не принести никаких результатов для другого, дорогой коллега!

Последние слова она произнесла с явным сарказмом, будто медик, оставивший эти назначения, сидел прямо напротив нее. Выйдя из-за стола, Лоренция не спеша прошлась вдоль стены, расправила плечи и, задумчиво глядя в окно, тихо прошептала:

«Что чувствовала бы я, если бы со мной произошло подобное? Так долго пытаться забеременеть, родить здорового малыша, а спустя три года из-за халатности медицинского персонала потерять самое ценное в жизни...»

От этих мыслей по спине пробежала дрожь. Вернувшись к рабочему месту, она взяла в руки фотографию сына и прижала ее к груди. Ей стало по-настоящему страшно. Она осознала, что у человека просто нет шансов принять столь жестокую реальность и продолжать вести полноценную жизнь. Несмотря на то что сама она еще ребенком в один день ли-

шилась родителей и бабушки, даже мимолетная мысль о потере сына отозвалась в ее душе невыносимой болью, совершенно непохожей на ту тоску, что преследовала ее всю сознательную жизнь.

Отложив снимок, Лоренция открыла ежедневник, сделала несколько пометок и набрала номер Генеральной прокуратуры. Спустя несколько секунд в трубке раздался раздраженный бас.

— Савельев, слушаю.

— Привет, Сашка, это Лоренция. Не беспокою?

— Лорка, привет! Прости за раздражительность, день какой-то сегодня... ну просто дурной.

— Не переживай, у меня такой же, — невесело усмехнулась она. — Мне нужно с тобой встретиться, Саш, и очень срочно. Можешь сегодня принять мое приглашение на ужин или хотя бы на чашку кофе?

— Лорка, золотце, не обижайся, но сегодня никак не смогу. Светланка моя где-то раздобыла билеты в театр на Таганке, сама понимаешь. Если я не пойду, она меня убьет. И сразу меня предупредила, что в этот раз ты меня не подменишь, — со вздохом признался он.

— Ничего страшного. Тогда, может быть, завтра с утра? После обеда у меня несколько частных сессий, а потом ночное дежурство в больнице. Так что смогу только утром, если тебе удобно.

Александр Савельев, бывший сыщик с огромным ста-

жем, а ныне полковник юстиции и заместитель руководителя Главного следственного управления, недолго думая, согласился:

— Хорошо. Раз дело не терпит, я утром заеду за тобой.

— Поверь мне, Саш, не терпит, — тихо ответила Лоренция и, попрощавшись, положила трубку.

Головная боль усилилась, и пришлось принять таблетку, поскольку терпеть этот приступ становилось уже невмоготу. Пересмотрев записи в блокноте и убедившись, что на сегодня посетителей больше нет, она невольно улыбнулась.

— Вот и отлично, рабочий день окончен. Появилась возможность наконец-то заглянуть в гости к подруге, — вслух подбодрила она себя.

За годы одиночества она настолько привыкла делиться новостями с самой собой и рассуждать вслух, что в один прекрасный день даже задумалась: а нормально ли это? Будучи студенткой факультета психологии МГУ, она с этим вопросом обратилась к профессору и, скованная страхом, ожидала вердикта.

«Каждый из нас в той или иной мере безумен, — иронично, но с легкой грустью ответил тогда ученый. Он обнял ее за плечи и добавил: — Если живешь среди сумасшедших, нужно и самому научиться быть безумным. И нам, специалистам, без этого никак. Как говорил великий Шекспир: "Во всяком деле, чтобы добиться успеха, нужна некоторая доля безумия"».

С тех пор Лоренция больше не беспокоилась из-за того, что часто размышляет вслух, ругает себя за неудачи или сама же успокаивает. За долгие годы одиночества она привыкла, что никто, кроме нее самой, не скажет ей доброго слова, не говоря уже о моральной поддержке. Детдомовское детство многому ее научило, но главный урок, который она усвоила, заключался в том, что надеяться в этой жизни можно только на себя. И пожаловаться тоже больше некому.

Посмотрев в окно, она заметила, что на улице уже стемнело. Легкий страх шевельнулся в груди. Смутные времена настали, криминальный беспредел был в самом расцвете. Глубокие политические и экономические потрясения в стране привели к катастрофическому росту преступности, и в Москве уровень беззакония достиг рекордных показателей. Тверская, одна из самых оживленных артерий столицы, где располагались престижные офисы, магазины и рестораны, манила преступников всех мастей. В вечерние часы здесь можно было встретить немало неблагонадежных граждан: алкоголиков, наркоманов и прочих личностей, сомнительное поведение которых привлекало внимание милицейских патрулей.

А с тех пор как «гольяновские» обложили данью местных лоточников, прогуливаться по Тверской в сумерках стало откровенно опасно — шальная пуля могла в любой момент оборвать жизнь. Гольяновская ОПГ отличалась изощренной жестокостью: с коммерсантами, отказывавшимися

платить за «крышу», или с теми, кто пытался конфликтовать с их подопечными, бандиты расправлялись безжалостно и на месте. И даже те сотрудники правоохранительных органов, которые еще сохранили честь и достоинство, мало чем могли помочь. Среди их же коллег завелось слишком много продажных «крыс». Оборотни в погонах снабжали бандитов спецталонами, запрещающими сотрудникам ГАИ досматривать автомобили, выдавали преступникам настоящие удостоверения офицеров ФСБ и МВД, оснащали их спецтехникой и помогали беспрепятственно проходить таможенный контроль в Шереметьево, когда ОПГ вывозила на Запад огромные суммы денег. Они доставляли бандитам оружие прямо к месту разборок и обеспечивали надежное оперативное прикрытие, снабжая ценной служебной информацией.

После того как был убит крупный бизнесмен Вадим Гусь, наотрез отказавшийся платить гольяновским за безопасность, эта группировка превратилась в настоящую угрозу для общества. Ради достижения своих целей бандиты без колебаний пускали в ход насилие. Борьба столичного ГУВД с ними казалась почти безнадежной задачей. Как часто повторял Савельев: «Мы, оставшиеся бойцы, не продавшие себя и свою присягу, воюем с ветряными мельницами, точно Дон Кихоты».

И он был абсолютно прав... Савельев являлся не просто ее другом, но и бывшим коллегой по тем временам, когда она трудилась судебным экспертом-психологом в Научно-иссле-

довательском институте МВД под руководством полковника, кандидата психологических наук Олега Бродского.

Закрыв глаза, она вновь вернулась в тот страшный день, который навсегда отбил у нее желание продолжать карьеру в органах. Мурашки побежали по коже, стоило памяти воскресить бледные, покрытые кровавыми потеками лица двух маленьких сестер и взгляд их отца. За те несколько суток, что продолжались поиски детей, его когда-то черные как смоль волосы превратились в сплошное серебро. Мужчина выглядел так, будто прожил тяжелую, бесконечную жизнь, хотя ему было всего тридцать лет. Никогда прежде Лоренция не видела, чтобы люди седели от горя буквально за считаные дни.

Это было чудовищное дело. Несколько суток Лоренция вместе с коллегами подетально составляла психологические портреты предполагаемых похитителей сестер Ковальчук, консультировала следователей и до последнего надеялась, что девочек найдут живыми. Но спустя две недели их бездыханные тела обнаружили в сорока километрах от окружной дороги, в заброшенном дачном поселке. Маленькие истерзанные трупы со следами побоев и сексуального насилия лежали под грудой старого тряпья и мусора в полуразвалившемся доме. Если бы не охотник, случайно забредший в те дебри со своей собакой, детей не нашли бы никогда.

Вся оперативная группа, включая саму Лоренцию, замерла в немом ужасе, когда прибыла на место, указанное оче-

видцем. Никто не мог постичь, какой изверг способен на подобное. Малышкам было всего три года и пять лет. Лоренцию тут же стошнило. В тот миг ей казалось, что легче умереть, чем продолжать жить с этим грузом. Она не смогла их вычислить, не смогла спасти!

Она не помнила, как потеряла сознание. Очнулась уже в палате, а у ее постели, низко склонив голову, сидел Савельев.

— Привет, — едва слышно выдавила она. — Что со мной?

— Привет, Лорка. Ты отключилась, как только из того дома стали выносить тела девочек. Рухнула навзничь и сильно ударилась затылком о кирпич — они там везде были разбросаны.

Она осторожно потрогала голову и нащупала плотную марлевую повязку. Савельев взял ее ладонь, нежно погладил и тихо произнес:

— Лорка, тебе нужно менять работу. Эта система не для тебя, ты и так слишком много натерпелась в жизни. Ты живая, понимаешь? А эта грязь тебя просто уничтожит. Не нужно тебе это.

— Что ты такое говоришь, Савельев! Пока вы этого выродка не поймаете, чтобы я могла лично посмотреть ему в глаза перед расстрелом, я никуда не уйду!

— Эх ты... Я же как лучше хочу. Ладно, выздоравливай скорее. Мы взяли его.

Его слова подействовали на Лоренцию как целебный бальзам. Она попыталась улыбнуться, но из-за резкой голов-

ной боли вместо улыбки получился вымученный оскал. Савельев тепло улыбнулся в ответ, поцеловал ее в щеку и бесшумно покинул палату...

Лоренция поморгала, пытаясь отогнать гнетущие призраки прошлого, взяла сумочку, погасила свет и вышла из кабинета.

«Боже, ну точно рассеянная с улицы Бассейной... Ключи ведь на столе остались!» — с иронией подумала она и распахнула дверь обратно. В этот самый момент в пустом помещении оглушительно зазвонил телефон. Быстрым шагом она пересекла комнату и сняла трубку.

— Бенетти, слушаю, — произнесла она, но в ответ раздалась глухая, зловещая тишина. — Алло, я вас слушаю! — уже с раздражением повторила Лоренция, и в ту же секунду на том конце провода пошли короткие, частые гудки.

Недоуменно посмотрев на аппарат, она забрала ключи из ящика стола и не спеша направилась к выходу. Кукушка на настенных часах прокуковала шесть вечера. Запирая замок, Лоренция снова услышала далекий телефонный звон, но проигнорировала его и пошла к лифту.

«Какой бесконечный сегодня был день», — подумала она, нажимая на кнопку вызова. Однако едва различимый шорох за спиной заставил ее резко обернуться.

— Вы кто? — растерянно спросила она, сделав шаг навстречу человеку, соткавшемуся из полумрака в углу коридора.

Мужчина был высоким, темноволосым и голубоглазым. На нем сидел безупречный черный костюм с галстуком.

— Я ждал тебя, — ответил незнакомец.

Лоренция не узнавала его. Она была уверена, что никогда прежде не видела этого человека, и ее сильно покоробило, что он так бесцеремонно обратился к ней на «ты».

— Кто вы такой? — уже более твердо, хотя и с дрожью в голосе, спросила она.

— Я твой друг, — отозвался мужчина. — Я пришел помочь.

— Моему другу не пришлось бы прятаться у меня за спиной и пугать меня до смерти, — отрезала Лоренция.

— Я не хотел тебя пугать, — мягко парировал он. — Просто мне не нужно, чтобы нас видели вместе. Поэтому я и караулил в неосвещенной части коридора. Не был уверен, что ты выйдешь одна.

— Кто именно не должен нас видеть? — прищурилась Лоренция.

— Тебе хотят навредить, — ответил он спокойным, бархатным голосом, полностью проигнорировав ее прямой вопрос.

По телу Лоренции пробежала острая волна холода.

— Навредить мне? — переспросила она. — Но почему? Вы от Динки Измайловской пришли? Я же ей ясно дала понять, что ничего платить не буду! — таинственный незнакомец начинал выводить ее из себя.

— Нет, я понятия не имею, кто такая эта твоя Динка, или как там ее дальше, — мужчина оставался невозмутим. — Я здесь только потому, что тебе грозит опасность.

Лоренция опешила. Она решительно не понимала, что происходит.

— Пойдем, — скомандовал мужчина. — Нам нужно поторопиться.

Он протянул к ней руку, но Лоренция отпрянула. В этот момент створки лифта наконец с шумом открылись, и она торопливо сделала шаг в кабину. Мужчина молча и тенью последовал за ней.

Ударив пальцем по кнопке первого этажа, Лоренция демонстративно отвернулась к стене, чтобы не встречаться с ним взглядом.

«Кто это, черт возьми? Как от него отделаться на улице? А вдруг это какой-то мой старый пациент из "Кащенко", которого я просто не могу вспомнить в лицо?» — лихорадочно рассуждала она, пока кабина плавно скользила вниз.

Так и не сумев понять, кто перед ней, Лоренция приняла боевую позу и, не поворачиваясь к незнакомцу, сердито произнесла:

— Я лично с вами никуда не намерена идти. Если вы не отстанете, когда мы выйдем из лифта, я начну кричать! Между прочим, внизу находится вахтер, и я попрошу его вызвать милицию.

Внезапный легкий укол в шею прервал ее речь, и ноги

мгновенно налились свинцовой тяжестью. Теряя сознание и оседая на пол, она успела в последний раз увидеть перед собой холодные голубые глаза...

Глава 5: Что там впереди?

(1979 год)

«Я сплю, я всего лишь сплю, и мне все это снится» — шептала пересохшими губами маленькая девочка в медицинском изоляторе. Над ней склонился тот самый подросток, что силой вытащил ее из милицейского «Бобика», и хромой на одну ногу доктор скользкого вида.

— Что она там бормочет, Вова? — раздраженным голосом спросил мальчика врач.

— Да черт ее знает? Не могу разобрать, — ответил парень, приближая ухо к губам ребенка. — Наверное, слишком много вы укололи того лекарства.

— Ты давай тут не умничай, а сбегай за Федоровной. Пусть придет и побреет ее, пока она без сознания, потому как, чувствую я, с ней проблем еще не оберешься, — все тем же недовольным тоном бросил доктор.

Вова выскочил из изолятора как пуля и через несколько минут вернулся с Ольгой Федоровной. Та была высокой и статной женщиной средних лет. Она была одета в строгий черный костюм, подчеркивавший ее властную натуру. Ее волосы были черными и гладко зачесанными назад. Лицо учительницы казалось суровым и неприветливым, а глаза оста-

вались холодными, абсолютно безразличными. Она презрительно посмотрела на девочку, словно на нечто грязное и недостойное.

— Игорь Николаевич, вы же знаете, что сейчас у меня урок труда. Неужели этот заморыш не подождет?

— Голубушка моя, не раздражайтесь, это не стоит ваших нервов, пожалуйста. Но вы же знаете, что Вера Сергеевна не очень любит ждать. Лишь поэтому я осмелился вас потревожить, — притворно любезным тоном ответил специалист.

Его внезапно вспотевший лоб четко указывал на то, что эту женщину он явно побаивался. И было за что. Он никогда не забудет тот день, когда она поймала его с поличным...

Как опытный шпион, Ольга Федоровна начала выведывать у детей, что делает во время их купания Игорь Николаевич. Но единственным ответом был глухой страх в глазах воспитанниц. Хотя странные слухи о докторе ранее до нее уже доносились. И в очередной раз, когда младшие классы пошли мыться, она пришла в душевую и резко распахнула двери. Игорь Николаевич, застигнутый врасплох, стоял посреди помещения, и его руки лежали на плечах маленькой испуганной девочки. Ольга Федоровна в ужасе отшатнулась.

«Что вы делаете?!» — закричала она.

Игорь Николаевич, смертельно побледнев, отпустил ребенка и отвернулся.

«Я... я ничего», — пробормотал он.

Но Ольга Федоровна уже все видела. Она поймала из-

вращенца на горячем. С тех пор она его безжалостно шантажировала. Сколько раз у него возникало дикое желание удушить ее, но увы — в глубине души он оставался всего лишь трусливым подонком. И он это прекрасно понимал. Всю жизнь ему приходилось скрывать свои порочные наклонности и несколько раз менять место работы.

Игорь Николаевич сжал кулаки до хруста. Его лицо багровело от скрываемого гнева. Он отчетливо сознавал, что если Ольга Федоровна проговорится о его извращениях, его мгновенно вышвырнут из детского дома, конечно же, без лишней огласки. Скандал никому не нужен, особенно директору интерната. Ольга Федоровна это тоже отлично понимала, а потому без зазрения совести использовала медика каждый раз, когда ей требовались какие-либо дефицитные лекарства. Он ненавидел, когда им помыкали, но деваться было некуда. Приходилось стискивать зубы и помалкивать.

Саму Ольгу Федоровну совершенно не волновала его реакция.

«Вы, уважаемый Игорь Николаевич, не обижайтесь, — насмешливо промурлыкала она, цинично ухмыляясь. — За службу, как говорится, службой платят».

И доктору ничего не оставалось, кроме как проглотить горькую обиду. Он находился в полной зависимости от этой надменной женщины, державшей его на коротком поводке...

Ольга Федоровна, проигнорировав его фальшивый тон, обернулась к Вове.

— Посади ее на стул, — приказала она.

Подросток, бледный и дрожащий, подскочил к кушетке и, подхватив на руки безвольно обмякшее тело сироты, кое-как усадил ее.

— Держи ее, идиот! — сердито рявкнула учительница.

Вова с мольбой посмотрел на доктора, надеясь на защиту, но тот, отвернувшись, лишь поплелся к шкафу. Достав из него машинку для стрижки и ножницы, он протянул инструменты Ольге Федоровне.

— А волосы у нее длинные, — самодовольно улыбаясь, заявила она. — И какие красивые. И цветом на мои похожи. О чудо, и даже вшей нет! — радостно воскликнула женщина, внимательно осмотрев пряди. — Пожалуй, я отнесу их Марии Викторовне, пусть сделает мне из них новый шиньон.

И, взяв в руку толстую косу ребенка, она безжалостно отрезала ее у самого основания. Аккуратно уложив срезанные волосы на кушетку, она принялась наголо брить маленькую беззащитную головку.

— Ну, готово, — с отвращением бросила Ольга Федоровна, отложив машинку. — Вы хотя бы знаете, как ее зовут? — обратилась она к притихшему врачу.

— У нее странное имя, — пробормотал он, листая папку. — Совсем не русское. Лоренция Альбертовна Бенетти.

— Да, действительно странное. Приведите ее в чувство, — строго приказала она, выходя из изолятора.

Врач кивнул и, подойдя к девочке, похлопал ее по ще-

кам...

(1997 год)

— Госпожа Лоренция, очнитесь! — все яснее звучал незнакомый голос. — Слышите меня? Попробуйте открыть глаза.

Лоренция, вздрогнув, слабо приоткрыла веки и, увидев над собой чужое лицо, испуганно отпрянула.

— Где я? — спросила она хриплым от волнения голосом.

— Не беспокойтесь, вы в безопасности, — ответил незнакомец, глядя на нее проницательными голубыми глазами.

Она лежала в небольшой прохладной комнате. Стены, покрытые венецианской штукатуркой, мягко мерцали в свете хрустальной люстры, отбрасывая причудливые блики. Белый диван, на котором она очнулась, был мягким и удобным. На стенах висели картины известных художников, на полу лежали дорогие ковры, а на столе высилась ваза с фруктами. В воздухе витал тонкий аромат изысканного парфюма, свежего кофе и цветов. С улицы глухо доносился шум проезжающих машин, но в самом помещении было тихо и спокойно. Лишь размеренное тиканье часов нарушало это безмолвие. Рядом, обеспокоенно склонившись, стоял мужчина.

Лоренция нахмурилась, отчаянно пытаясь вспомнить, кто он такой.

«Где я его видела?» — промелькнуло в ее мыслях.

Вдруг ее осенило.

«Это же он!» — с ужасом осознала она, узнав в незнакомце человека из лифта.

Лоренция резко отодвинулась, сердце бешено заколотилось в груди. Мужчина, не обращая внимания на ее испуг, спокойно протянул руку.

— Не бойтесь, госпожа Лоренция, — сказал он мягким, но властным тоном. — Я здесь, чтобы помочь вам.

— Помочь мне? — переспросила она, дрожа всем телом. — Но как? И кто вы вообще такой?

Собеседник едва заметно улыбнулся.

— Я — тот, кто может вас защитить. Тот, кто способен остановить его.

— Его? — Лоренция решительно не понимала, о ком идет речь.

— Того, кто вас преследует, — ответил мужчина. — Того, кто хочет навсегда от вас избавиться и отобрать у вас сына.

Лоренция мгновенно похолодела.

— Вы знаете о нем?

— Да, — кивнул незнакомец. — Я знаю о нем абсолютно все.

— И вы можете меня защитить?

— Могу, — уверенно отрезал он. — Но для этого вы должны мне доверять.

Лоренция колебалась. Она не знала, кому верить в этом безумном мире. Но в глубине его глаз она прочитала искренность и силу.

— Хорошо, — прошептала она. — Что вы мне укололи? Зачем вы это сделали? И где сейчас мой сын?

Мужчина вновь улыбнулся.

— Пришлось прибегнуть к снотворному, чтобы вы не препятствовали. Домой вам ехать было небезопасно, а времени на пустые разговоры не оставалось. Ваш сын в надежных руках, и я вас к нему сейчас же отведу, — он протянул ей ладонь, не переставая доброжелательно улыбаться. — Пойдемте со мной.

Лоренция нерешительно приняла его руку. Неизвестность пугала, но страх за свою жизнь и безопасность ребенка был сильнее.

Куда он ее вел? Что ждет впереди? Она не имела понятия, но отчего-то верила, что этот человек не врет. Где-то в глубине души зрело подсознательное доверие к нему. Точно такое же чувство она испытала к той женщине, которая полтора года назад подобрала ее с младенцем на вокзале, когда она в никуда бежала от своего мужа-тирана...

Они вышли из здания и сели в припаркованный у подъезда черный автомобиль. Машина плавно тронулась, увозя Лоренцию в полную безвестность.

В салоне царило молчание. Лоренция украдкой разглядывала своего спутника. Его лицо оставалось непроницаемым, но во взгляде читалась железная решимость.

— Куда мы едем? — наконец прервала тишину она.

— В безопасное место, — ответил он, не отрывая глаз от

дороги.

— А что потом?

— Потом мы разберемся с тем, кто вас преследует, — спокойно произнес мужчина. — И я обещаю, что он больше никогда не посмеет вам угрожать.

Лоренция кивнула, но на сердце по-прежнему было неспокойно. Она не знала, чего ждать от этого человека, но деваться ей было абсолютно некуда. Ей оставалось лишь надеяться, что он сдержит свое слово.

За окном автомобиля мелькали огни ночного города. Она уже была готова к любым испытаниям, ведь на кону стояла безопасность ее ребенка. Ради сына она сделает невозможное.

Лоренция с трудом сдерживала подступающие рыдания, мысленно проклиная себя за прошлые ошибки. Как она могла быть такой наивной дурочкой, чтобы влюбиться в человека, который в итоге оказался сущим монстром?

Автомобиль резко свернул в темный, как вороново крыло, переулок. Лоренция, дрожа мелкой дрожью, вновь глянула на похитителя. Его лицо, искаженное тенями, казалось каменным.

— Хотя бы ваше имя я могу узнать? — прошептала она, пытаясь подавить рвущийся наружу страх.

Мужчина усмехнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Нет, вам лучше не знать моего имени, — ровно произнес он. — Это в ваших же интересах. Но кто меня нанял, вы

скоро увидите.

Он резко затормозил у подъезда обшарпанной «хрущевки». Лоренция с замиранием сердца заметила, как он неторопливо отстегивает ремень безопасности.

— Приехали, — бросил он, по-прежнему не глядя на нее. — Выходите, пожалуйста, и без глупостей. И помните... — он оборвал фразу на полуслове, и на его лице промелькнула тень раздражения. — Меня наняли, чтобы вам помочь.

Лоренция глубоко выдохнула и несмело отстегнула пряжку. Руки ходили ходуном, и, как бы она ни силилась скрыть свой ужас, это плохо удавалось. Еще раз бросив взгляд на незнакомца, она решительно толкнула дверь автомобиля и шагнула в сырую ночную прохладу. Не сразу она разглядела стоящую у неосвещенного крыльца маленькую хрупкую фигуру.

— Лорочка, дорогая, как хорошо, что мой помощник все же отыскал тебя прежде, чем ты добралась до своей квартиры! — донесся из темноты до боли знакомый голос, и в то же мгновение Лоренцию заключили в крепкие, надежные объятия.

Она не верила собственным глазам. Перед ней стояла Анна (Кузнецова) — её эксцентричная подруга, с которой они познакомились год назад при весьма странных, если не сказать опасных, обстоятельствах.

(1996 год)

В тот морозный январский день Лоренция, работавшая тогда еще судебным экспертом-психологом в милиции, возвращалась со службы поздно вечером. В ее родном квартале почта была уже закрыта, поэтому она решила сделать необходимые коммунальные платежи в соседнем районе, на Таганке.

В почтовом отделении скопилась огромная, душная очередь. Лоренция не пожелала терять драгоценное время и, рассудив, что бланки подождут, направилась было к выходу, собираясь заглянуть в продуктовый магазин.

Поворачиваясь к дверям, она невольно обратила внимание на рыжеволосую девушку, которая сиротливо ютилась в углу, пряча лицо в ладонях. Рядом с ней на полу стояла огромная полосатая сумка, с какими в те годы челноки массово ездили в Турцию за дешевым товаром. Лоренция украдкой наблюдала за незнакомкой. Девушка судорожно всхлипывала, и у Лоренции болезненно ёкнуло сердце: «Ей явно нужна помощь».

Внезапно массивные наружные двери с грохотом распахнулись, впуская двоих милиционеров. Их суровые, напряженные лица не предвещали ничего хорошего. Лоренция мгновенно похолодела, осознав: кто-то из бдительных граждан наверняка заподозрил неладное, глядя на заплаканную

девчонку и ее увесистый, подозрительный баул.

«Только бы не взрывчатка...» — паническая мысль обожгла мозг.

Москва, уже истерзанная первыми терактами, жила в непреходящем липком страхе. Лоренция слишком хорошо помнила страшные новости: взрыв в поезде метро на перегоне между станциями «Тульская» и «Нагатинская»... Тогда четыре человека погибли на месте, а четырнадцать получили тяжелейшие ранения. После той трагедии городские власти ввели строжайшие меры безопасности: повальные досмотры, облавы, проверки документов и бдительность на каждом шагу.

Не в силах оставаться безучастным наблюдателем, Лоренция решительно двинулась к углу, опережая наряд милиции. «Господи, помоги...» — молилась она, быстро стуча каблуками по гулкому кафелю.

— Гражданочка, оставаться на местах! — рявкнул сзади резкий голос патрульного.

Медленно, стараясь не провоцировать оперативников на резкие действия, Лоренция скользнула рукой в сумочку и извлекла служебное удостоверение. Не оборачиваясь на милиционеров, она подошла вплотную к испуганной девушке.

— Добрый вечер, — как можно спокойнее произнесла Лоренция. — Вам помочь?

При этом она раскрыла свои «корочки» и предъявила их подошедшему наряду.

— Лоренция Бенетти, сотрудник ОВД, — уверенно представилась она. — Позвольте мне сначала выяснить, что здесь происходит.

И, не дожидаясь реакции патрульных, Лоренция вновь повернулась к рыжеволосой:

— У вас все в порядке? Что в сумке?

Девушка подняла на нее лицо, и Лоренция едва сдержала внутренний вздох: вся левая половина лица незнакомки представляла собой сплошной, жуткий багрово-фиолетовый синяк. Даже стоящие за спиной оперативники глухо чертыхнулись.

Судорожно сглотнув, бедняжка тихо вывела:

— Спасибо... Я должна сама со всем разобраться. В сумке нет ничего, кроме одежды и моих личных вещей.

Лоренция потянулась к баулу:

— Я могу осмотреть?

Рыжеволосая, не отрывая взгляда от своих поношенных туфель, хмуро кивнула.

Лоренция только взялась за ручки, но не успела даже расстегнуть молнию. Стоявшие сзади милиционеры в долю секунды грубо оттолкнули ее в сторону, а девчонку жестко повалили на пол. Лишь в этот момент Лоренция огляделась и поняла, что в просторном зале почты они остались совершенно одни. Пока она заговаривала зубы беглянке, патрульные молниеносно эвакуировали всех посетителей и персонал.

Тяжелые двери вновь распахнулись, и в помещение быстро вошли еще трое сотрудников и взрывотехник — хмурый грузный мужчина с лицом породистого бульдога. На рыжеволосую девушку тем временем уже грубо нацепили наручники, хотя в этом не было никакой нужды — она покорно лежала на кафеле, не оказывая ни малейшего сопротивления.

— Дамочка, быстро покинула охраняемую зону! — недовольным басом приказал «Бульдог», а затем сердито прикрикнул на патрульного, державшего задержанную: — Почему в секторе до сих пор посторонние гражданские?

— Да она вроде как из наших, товарищ майор, — несмело оправдался сержант.

Взрывотехник подошел к Лоренции, буравя ее тяжелым взглядом, а затем вновь обернулся к подчиненному:

— А ты ее корочку вообще проверял? Удостоверение сейчас любой дурак подделать может. А если они сообщницы?

От подобного наглого подозрения Лоренция едва не задохнулась от возмущения.

— Как вы смеете меня подозревать?! — запальчиво крикнула она. — Я действующий сотрудник Кировского ОВД! А вы сами-то случайно не фальшивый документ носите?

И, рванувшись из рук милиционера, который уже собирался защелкнуть браслеты и на ее запястьях, она со всей силы дернула замок стоявшей рядом сумки. Реакция группы захвата была мгновенной — секунда, и Лоренция тоже оказалась распластана по полу. Но своей цели она добилась: со-

держимое баула веером высыпалось на чистый кафель.

Кроме вороха мятой девичьей одежды, нескольких потрепанных книг и старой косметички, там не было абсолютно ничего опасного. Заметив это, майор-взрывотехник подошел к пустой сумке, пнул ее носком ботинка и, убедившись, что никакого двойного дна или взрывного устройства там нет, крутанул рукой над головой, обозначая взлет вертолета. Едва сдерживая грохочущий хохот, он скомандовал:

— Сворачиваемся, ребята! Ложная тревога. — И, брезгливо отбросив в сторону маленькие кружевные трусики, с ухмылкой добавил: — Если, конечно, кто-то из вас не горит желанием провести подробную экспертизу женского белья.

— Товарищ майор, а с этими-то что делать? — растерянно спросил конвоир, по-прежнему придавивший коленом спину рыжеволосой девчонки.

— Что делать? Вон та прыткая дамочка из ОВД пусть с ней и разбирается — это же, считай, ее прямой профиль. Мы спецназ, а не няньки в детском саду, — Бульдог снова коротко хохотнул, а затем уже строго отрезал: — Мы антитеррористическое подразделение МВД, так что нечего тут время терять. На выход.

— Майор, ваша фамилия?! — сердито, на повышенных тонах выкрикнула Лоренция, грубо сбрасывая с себя руку державшего ее оперативника.

Но взрывотехник лишь пренебрежительно хмыкнул и, не удостоив ее ответом, зашагал к дверям. Остальные бойцы по-

корно потянулись вслед за ним.

Вошедший в зал бледный работник почты поспешил к Лоренции и вежливо протянул руку, чтобы помочь подняться, но она проигнорировала этот жест, самостоятельно встала на ноги и подошла к измученной девчушке, которая, сидя на полу, растирала покрасневшие запястья.

— Первый раз примерила «железки»? — стараясь разрядить гнетущую обстановку, с грустной улыбкой спросила Лоренция.

— Нет, не первый... Но эти какие-то особенно острые были, — дрожащим, прерывистым голосом ответила рыжеволосая, поднимая заплаканное лицо.

Только сейчас Лоренция обратила внимание, какого редкого, невероятного цвета были ее глаза — чистый малахит, изумрудно-зеленые, обрамленные густыми черными ресницами.

— Как тебя зовут? — спросила Лоренция, помогая ей подняться, поскольку спиной уже отчетливо ловила любопытные взгляды хлынувших обратно в помещение сотрудников и зевак.

— Анна, — совсем тихо выдохнула девушка, словно опасаясь, что собственное имя может вновь навлечь на нее подозрения правоохранителей.

— Тебе есть куда пойти, Анна? — шепотом поинтересовалась Лоренция.

Ответа не последовало, но в глубине малахитовых глаз

вновь плеснул дикий, затравленный страх.

— Все понятно, — подвела итог Лоренция и, быстро сгребая раскиданные вещи обратно в челночный баул, крепко взяла девушку за руку и повела к выходу.

Люди в очереди расступались, провожая их странными взглядами — кто-то смотрел с искренним сочувствием, а кто-то с явным осуждением и злобой. Оказавшись на морозном воздухе, Лоренция повернулась к спутнице:

— Документы при себе?

— Да, — едва слышно отозвалась та.

— Покажи паспорт, — потребовала Лоренция.

В неверном желтом свете уличного фонаря она увидела, как сильно трясутся руки Анны, когда та расстегивает простенькую курточку. Из внутреннего кармана она достала документ и молча передала его сотруднице милиции. Лоренция раскрыла корочку и изумленно воскликнула, сопоставив даты:

— Да ты же совсем девчонка! И как тебя из родного Саратова занесло в Москву?

— Это очень долгая история, — совсем поникла Анна. — Я вам безумно благодарна за спасение... И простите, что из-за меня у вас возникли такие крупные неприятности с коллегами. Но я, пожалуй, пойду.

Набравшись смелости, Анна робко протянула пальцы, чтобы забрать паспорт, но Лоренция решительным жестом спрятала его в свою сумочку.

— Некуда тебе идти. Хочешь снова пережить то, что сейчас было на полу? Или мечтаешь насмерть замерзнуть на вокзале? Вот что: поедешь сегодня ко мне. Отогреешься, отмоешься в душе, выспишься по-человечески. А завтра на ясную голову будем решать, что делать дальше. Но твой паспорт пока побудет у меня. Твои данные я завтра же утром проверю через свое отделение, так что даже не вздумай меня обокрасть или выкинуть еще какой фокус. Найдут в два счета.

Девушка, с непереносимой мольбой глядя Лоренции прямо в душу, прошептала:

— Я не преступница, я не плохая... Пожалуйста, поверьте мне.

Лоренция, не сводя с нее пристального профессионального взгляда, лишь сухо хмыкнула:

— Вот завтра и увидим, — и быстрым шагом направилась к припаркованной неподалеку желтой машине такси. Анна послушно засеменила следом.

Сев на заднее сиденье автомобиля, Лоренция устало бросила водителю:

— Дубровка, улица Мельникова, дом четыре.

Таксист бросил беглый взгляд в зеркало заднего вида на необычных пассажирок, молча кивнул и завел мотор...

Глава 6: Отголоски прошлого

(1997 год)

Тот январский день...

— Лорочка, дорогая, пойдем скорее внутрь, ты же вся дрожишь, — ласковый голос Ани вырвал Лоренцию из вихря нахлынувших воспоминаний. Очнувшись, она обнаружила, что действительно дрожит всем телом, охваченная ледяной волной пережитого страха.

За спиной она физически ощутила пристальный взгляд. Обернувшись, Лоренция увидела того самого хмурого незнакомца, который привез ее сюда. Он внимательно разглядывал их, словно оценивая обстановку. Анна, отпустив подругу, резко повернулась к мужчине и произнесла ледяным тоном:

— Дальше я обо всем позабочусь сама. А ты позаботься, сам знаешь о ком. И сделай так, чтобы он исчез навсегда.

Эти слова пронзили Лоренцию как удар молнии. Она испуганно замотала головой, сбивчиво бормоча:

— Нет, нет, нет, пожалуйста, не нужно его убивать! Я этого не хочу!

— Да успокойся ты, лапочка моя, — как можно нежнее проворковала Анна, крепко прижимая Лоренцию к себе. — Никто его не собирается убивать. Лишь немного напугаем.

Но эти заверения совершенно не подействовали. Наоборот, паника лишь возрастала, и удушающее чувство угрозы

наполнило сердце.

— Аня, кто этот человек, который усыпил меня, и где сейчас мой Деянчик? — срывающимся голосом спросила она, недоверчиво поглядывая на еще больше нахмурившегося мужчину.

— Пойдем, внутри я тебе все объясню, — более строго ответила подруга и, кивнув на прощание незнакомцу, взяла Лоренцию под руку.

Не спеша они вошли в обшарпанный подъезд, где стойко пахло мочой и сырой плесенью. Озираясь по сторонам, Лоренция решительно не понимала, где она находится и почему Анна ждала ее именно здесь, в этих трущобах.

Войдя в лифт, Аня нежно прикоснулась к побледневшей щеке подруги:

— Девочка моя золотая, как же мне больно видеть тебя такой подавленной. Мне так жаль, что он опять тебя выследил, — с глубоким сочувствием произнесла она. — Ну почему ты не хочешь раз и навсегда от него избавиться?

Лоренция почувствовала, как на глаза наворачиваются горячие слезы. Отвернувшись к стенке кабины, она глухо ответила:

— Я когда-то его очень любила. И как ни крути, он отец моего сына. То, что он так чудовищно обращается со мной, еще не означает, что он так же будет относиться к Деяну. Пройдут годы, Деянчик вырастет и захочет познакомиться со своим отцом. Как я посмотрю ребенку в глаза, если поз-

волю его устранить?

Последнюю фразу Лоренция едва выдавила из себя. Слово «убить» так и не смогло сорваться с ее губ. От одной только мысли об этом внутренности скручивало, и ее буквально выворачивало наизнанку. А ведь он — тот самый человек, которого она когда-то считала единственным, самым обаятельным, красивым и талантливым на свете, — был готов лишить ее жизни собственными руками. В памяти невольно всплыл тот ослепительный июньский день, когда она увидела его впервые...

(1993 год)

— Девушка, вы физиотерапевт? — дверь кабинета приоткрылась, и на пороге возник сам «Адонис» — изваяние из бронзы, ожившее под лучами летнего солнца.

Взгляд, острый и пронзительный, как сталь клинка. Улыбка, подобная сиянию звезд. Движения плавные, завораживающие, как танец хищника. Первобытная сила, искусно скрытая под маской светского хладнокровия. И голос! Голос, который мгновенно проник в самые потаенные уголки сердца Лоренции. На секунду она просто потеряла дар речи. Осознав, как нелепо, должно быть, выглядит со стороны — приоткрытый от удивления рот, глаза по пять копеек и заторможенность, сопровождаемая глуповатым выражением лица, — она быстро взяла себя в руки. Напустив на себя как можно более строгий вид, она ответила:

— Да, вы попали совершенно правильно. Ваша фамилия, пожалуйста.

— Меня зовут Юлиан Никитенко, — ответил он, словно пропев серенаду.

Его тембр обволакивал бархатом, лаская слух, и она буквально утонула в нем, как в теплом море. По телу пробежала предательская дрожь, а сердце почему-то забилось в удвоенном ритме. Ничего подобного Лоренция не испытывала никогда в жизни.

«Боже, даже его имя звучит так же прекрасно, как и он сам», — промелькнула восторженная мысль, пока она судорожно рылась в списке пациентов санатория, разыскивая нужную строчку. Густой румянец залил щеки, а во рту моментально пересохло.

Тем временем «Адонис» (как Лоренция уже успела окрестить его про себя), не дожидаясь приглашения, с самодовольной улыбкой плюхнулся прямо на край ее рабочего стола, нависнув сверху. Девушка мысленно проклинала себя за эти несвойственные ей бурные эмоции и за то, что не могла адекватно и жестко отреагировать на его откровенно наглое поведение.

Уткнувшись в журнал, она лихорадочно искала фамилию. Наконец, спустя несколько мучительных секунд, нужная запись нашлась. Взглянув на дату, Лоренция с удивлением обнаружила, что этот пациент должен был начать курс физиотерапии еще три дня назад.

Подняв на него глаза, она чеканя слова произнесла:

— Во-первых, я попрошу вас встать с моего стола. Во-вторых, вы опоздали на целых три дня. Мне нужно найти вашего лечащего врача, чтобы он скорректировал курс, так как до конца вашей путевки осталось всего одиннадцать дней, а процедуры рассчитаны на четырнадцать. Поэтому вам придется пройти со мной к Юрию Сергеевичу.

Но «Адонис», будто пропустив все мимо ушей, лишь обнажил идеальные белые зубы в обезоруживающей улыбке и

промурлыкал:

— Милая девушка, я же не какой-то старый хрыч, нуждающийся в прогреваниях. Я всего лишь приехал на две недельки отдохнуть, пообщаться с красивыми медсестричками... — сделав эффектную паузу, он самодовольно закончил: — ...и, возможно, даже найти здесь свою будущую жену.

Любой другой человек сразу бы осадил напыщенного, самовлюбленного эгоиста. Любой, но не Лоренция. Завороженная его магнетической самоуверенностью, она словно ослепла и оглохла. Абсолютно все в этом мужчине, от атлетической фигуры до дерзкого взгляда, казалось ей божественным. Поэтому на его наглый ответ, явно демонстрирующий пренебрежение к старшему поколению и правилам, она лишь смущенно хихикнула, не сумев сбросить оцепенение.

Юлиан, моментально поняв, что сумел очаровать неприступную сотрудницу, продолжил плести сети еще более сладким голосом:

— К чему тратить драгоценное летнее время на скучные медицинские процедуры, когда мы можем прогуляться по набережной и отведать вкуснейшего мороженого? А может, вы, прелестная девица, предпочитаете бокал ледяного игристого шампанского?

Лоренция, украдкой взглянув на него из-под длинных ресниц, окончательно поддалась чарам. Его стать и напор будоражили кровь. Но, будучи ответственным специалистом,

она не могла позволить пациенту так легкомысленно нарушать предписанный режим. Собрав всю волю в кулак, она прерывисто выдохнула и, стараясь придать тону максимум суровости, ответила:

— Мне жаль, товарищ Никитенко, но я нахожусь здесь не для того, чтобы бегать на свидания, а чтобы лечить людей. Если вы не нуждаетесь в терапии, обратитесь к своему врачу — я не имею права самовольно отменять назначения. Пожалуйста, покиньте кабинет.

«Адонис», явно ошеломленный таким поворотом событий, медленно сполз со стола. Его красивое лицо на миг исказила гримаса, неуловимо напомнившая шакалий оскал. Глядя ей прямо в глаза, он хищно ухмыльнулся и бросил:

— Уважаемая... как вас там зовут? Мне до сих пор ни одна женщина не смела отказывать.

— Что ж, — с вызовом парировала Лоренция. — Тогда я буду первой. А имя мое, как вы могли бы заметить, написано на табличке по ту сторону двери. Обычно воспитанные люди читают ее, прежде чем войти...

(1997 год)

Скрежет открывающихся дверей лифта грубо выдернул Лоренцию из мира воспоминаний. Аня, с сочувствием глядя на нее, тихо спросила:

— Опять день вашей первой встречи вспоминала?

— Да, — прошептала Лоренция, пряча глаза.

— Эх... — горько вздохнула подруга и, шагнув на лестничную клетку, скомандовала: — Пойдем.

Лоренция безвольно поплелась следом. Аня долго звенела огромной связкой ключей, которую всегда таскала с собой. Всякий раз, когда память подкидывала Лоренции тот роковой июньский день, перевернувший и искалечивший ее судьбу, в груди вновь разгорался пожар боли и горького разочарования. Слезы снова подступили к горлу, готовые прорвать плотину. Но, собравшись с силами, она незаметно смахнула влагу и, пытаясь изобразить непринужденность, подколола подругу:

— Зачем ты носишь все ключи в одной куче, да еще и без бирок? Так ведь и в туалет не успеешь — пока нужную железку найдешь, обмочишься.

— Ха-ха-ха! Очень смешно! — с наигранной обидой фыркнула Аня.

Наконец ей удалось отыскать заветный ключ, и она со скрипом отворила дверь. Только сейчас Лоренция обратила

внимание, что это была мощная, грубая металлическая преграда — такие в последнее время повсеместно устанавливали москвичи, пытаясь защититься от бандитизма.

— Аня, чья это квартира? Откуда у тебя ключи? — с недоумением спросила она.

— Давай, заходи быстрее, не будем торчать на виду у соседей. Внутри все расскажу, — отмахнулась та.

— Каких соседей? — удивилась Лоренция. — На площадке ведь ни души.

— Возможно. Но ты же знаешь поговорку: и у стен есть уши, — загадочно бросила спасительница.

Озираясь по сторонам, Лоренция переступила порог и оказалась в просторной прихожей, которая мгновенно окутала ее гостеприимным теплом. Стены, выкрашенные в нежные персиковые тона, будто светились в мягком свете хрустальной люстры. Под ногами поскрипывал благородный дубовый паркет. Вдоль стены тянулся вместительный зеркальный шкаф-купе, а рядом примостился изящный пуфик, обитый бархатом цвета спелой клубники. В углу, словно привет из летнего сада, красовалась ваза с пышным букетом роз, источающим сладкий, густой аромат. Лоренция невольно втянула носом благоухание.

Напротив шкафа висело массивное зеркало в позолоченной резной раме. Девушка на миг замерла, поймав свое отражение. Оттуда на нее смотрела хрупкая фигурка, словно надломленная под гнетом недавних событий. Залегшие тени под

глазами и опущенные плечи делали силуэт еще более беззащитным. В голубых глазах, когда-то сияющих жаждой жизни, теперь таились лишь загнанный страх и растерянность.

«А может, Аня действительно права, и стоит согласиться на ее радикальное предложение, чтобы раз и навсегда избавиться от этого чудовища?» — ядовитая мысль скользнула в сознание, пока она расстегивала молнии на сапожках.

«Боже, даже не думай об этом, дура!» — тут же одернула она себя, внутренне содрогнувшись от собственной слабости. Аня молча наблюдала за ней, будто считывая этот внутренний диалог по лицу.

Неожиданно из глубины квартиры донесся заливистый, звонкий детский смех.

— Деянчик, золотце мое любимое! — радостно вскрикнула Лоренция. Бросив пальто прямо на пуфик, она рванула на звук.

Маленький черноволосый мальчуган с огромными голубыми глазами сидел на ковре в яркой футболке и увлеченно смотрел по телевизору «Тома и Джерри». Каждый раз, когда мышонок строил козни коту, ребенок заливался счастливым смехом. Он был так поглощен мультиком, что даже не обернулся, когда мать вбежала в гостиную. Она сгребла его в охапку и исступленно прижала к груди.

— Деянчик, солнышко мое! — шептала она, целуя макушку. — Как ты тут без меня?

Мальчик обхватил ее за шею пухлыми ручками и уткнул-

ся носиком в щеку.

— Мамочка, я тебя так ждал! — радостно пролепетал он и звонко чмокнул ее в ответ.

— Добрый вечер, Лорочка, — раздался сбоку спокойный голос.

Обернувшись, Лоренция увидела сидящую в глубоком кресле няню Ольгу Николаевну.

— И вы здесь?! — искренне поразилась девушка.

— Да, — лицо пожилой женщины озарила мягкая, теплая улыбка. — Как бы я могла оставить моего мальчика наедине с этой... — она не договорила, лишь с нескрываемым негодованием покосилась в сторону коридора, где переминалась Аня.

— Ольга Николаевна, спасибо вам огромное, но ведь вы знаете, что Анечка — моя лучшая подруга, и она присмотрела бы за Деяном ничуть не хуже.

— Возможно. Но мне так намного спокойнее, — слегка обиженно поджав тонкие накрашенные губы, парировала няня.

Ольга Николаевна была невысокой, полной женщиной с аккуратно уложенными седыми волосами. В ее добрых карих глазах всегда светилась искренняя забота, а морщинистое лицо с пухлыми щеками неизменно украшала приветливая улыбка. Она нянчила Деяна уже несколько лет: купала, кормила, укладывала спать, читала сказки и пела колыбельные, пока Лоренция разрывалась между несколькими

работами и учебой в университете. Женщина отличалась феноменальной ответственностью: никогда не опаздывала, не брала больничных и следила за тем, чтобы малыш всегда был сыт, опрятно одет и здоров.

Она любила мальчика так, будто это был ее родной внук. Именно она научила его первым словам, поддержала при первых шагах, показала первые игры. Деян отвечал взаимностью и слушался ее беспрекословно — порой даже лучше, чем саму маму. И Лоренция была ей за это безмерно благодарна. Каждый раз, возвращаясь домой без сил, она с трудом сдерживала слезы вины, слушая отчеты Ольги Николаевны о том, как прошел день ее ребенка. Сердце ныло от осознания того, что ей приходится доверять воспитание сына практически чужому человеку.

Но жизнь не баловала Лоренцию. С семи лет ей пришлось учиться выживать и полагаться только на себя. Сейчас она была готова свернуть горы, лишь бы обеспечить Деяну безопасное, счастливое будущее. За эти годы они с Ольгой Николаевной стали по-настоящему родными. Няня отчасти заменила ей мать, и со стороны их уютный быт напоминал крепкую семью. Лоренция не представляла своей жизни без этой мудрой женщины, которая без раздумий сорвалась в неизвестность, чтобы помочь в критическую минуту.

В гостиную вальяжно вошла Аня и, привалившись плечом к дверному косяку, с ухмылкой уставилась на них.

— Лорка, ты, наверное, зверски голодная? — спросила

она, глядя, как подруга ни на секунду не выпускает сына из объятий. — Мы уже поужинали. Если хочешь, я закажу что-нибудь из ресторана.

— Нет, Анечка, не беспокойся, кусок в горло не лезет, — отмахнулась Лоренция и повернулась к креслу: — Ольга Николаевна, давайте я вызову вам такси, чтобы вы спокойно добрались до дома.

Пожилая женщина сурово насупила брови и отрицательно покачала головой:

— Нет, я никуда на ночь глядя не поеду. Останусь здесь, с тобой и ребенком. — И, бросив на Аню стальной взгляд, добавила: — Надеюсь, хозяйка не имеет ничего против, и для меня тоже найдется угол в этой просторной квартире.

Аня лишь пренебрежительно хмыкнула:

— Если Лора просит, найдем место и для вас.

Лоренция укоризненно посмотрела на подругу и прошептала так тихо, чтобы няня не услышала:

— Ань, ну зачем ты с ней так? За что ты ее вечно цепляешь?

— А она меня за что? — начала закипать Аня, но осеклась.

Ольга Николаевна, проявив завидную для своего возраста прыть, резко поднялась с кресла и, гордо вздернув подбородок, направилась на кухню, бросив на ходу:

— Девочки, я не глухая, все слышу. А тебя, Анечка, я недолюбливаю за твой бесшабашный, криминальный образ

жизни. И больше всего боюсь, как бы ты не сбила мою дорогую Лорочку с правильного пути!

У обеих молодых женщин от такого прямолинейного заявления отвисли челюсти.

— «Мою дорогую Лорочку»... — спустя минуту оцепенения саркастично передразнила няню Аня. — А ничего, что она вообще-то и моя подруга тоже?

На мгновение лицо Лоренции озарила слабая, но искренняя улыбка. Ей было одновременно смешно и до слез приятно, что две самые близкие женщины в ее жизни так отчаянно соперничают за ее внимание. Но эта искра угасла так же быстро, как и вспыхнула. Накатила липкая волна холодного ужаса. Она живо представила, что бы с ней было сегодня вечером, не окажись рядом Ани и Ольги Николаевны. Скорее всего, она бы уже лежала мертвой на холодном полу, а Деяна увезли в неизвестном направлении. Ведь в последний раз, когда бывший муж выследил ее, он едва не забил ее до смерти. Лоренция болезненно содрогнулась, а на лбу выступила испарина.

Заметив это, Аня шагнула вперед, обхватила подругу за плечи и горячо зашептала на ухо:

— Теперь ты понимаешь, почему я настаиваю, чтобы он исчез? Навсегда! Я больше не могу смотреть, как ты вздрагиваешь от каждой тени. Это не жизнь, Лора, это ад!

В глубине истерзанной души Лоренция была с ней полностью согласна. Она мечтала, чтобы Юлиан растворился в

небытии. Но переступить черту и дать отмашку на убийство она не могла. Она прекрасно знала, что Аня, с ее связями, способна легко организовать заказное устранение. И Лоренция предпочитала жить в вечном страхе, чем до конца своих дней нести на совести такой смертный грех.

Она с силой сжала руку Ани.

— Спасибо тебе. Я не знаю, что бы я без тебя делала...

Аня промолчала, лишь прижала ее к себе еще крепче.

— Сыночек, мне кажется, тебе пора уже спать, — подала голос Лоренция, пытаясь перевести дух.

— Истинно так, — раздался за спиной строгий голос вернувшейся няни.

Аня, обернувшись, нацепила на лицо фальшиво-приветливую улыбку:

— Давайте я вас, Ольга Николаевна, провожу в гостевую спальню, где вы с Деянчиком сможете с комфортом расположиться.

— Благодарю, — тем же сухим тоном ответила пожилая женщина.

Аня закатила глаза и, беззвучно передразнивая чопорную походку няни, подхватила сонного Деяна на руки, унося его в длинный коридор.

— А ты, Лорочка, иди на кухню и поешь. Я напекла тебе блинов. Больше в этом холостяцком вертепе есть нечего, — проворчала Ольга Николаевна и, смешно виляя бедрами, отправилась вслед за Аней.

Оставшись одна, Лоренция тяжело вздохнула. Ей было немного жаль, что няня так непримиримо относится к ее лучшей подруге. Да, Ольга Николаевна желала только добра, но ее вечная ворчливость и консерватизм порой сильно утомляли.

Решив не портить себе и без того расшатанные нервы, она побрела на кухню. Изумительный, домашний аромат свежеиспеченных блинчиков мгновенно пробудил зверский аппетит. Даже не присев за стол, она свернула горячий блин в трубочку и с наслаждением откусила кусок.

— М-м-м! — невольно простонала она от гастрономического удовольствия.

— Да, полностью согласна, — раздался за спиной бодрый голос вернувшейся Ани. — Готовит твоя грымза и впрямь изумительно.

Схватив со стопки еще один румяный кругляш, Аня с нескрываемым аппетитом отправила его в рот. Жуя на ходу, она распахнула морозилку, торжественно извлекла оттуда запотевшую бутылку джина «Tanqueray» и, озорно подмигнув, заявила:

— Сегодня мы с тобой немного выпьем. Снимем стресс.

— Немного? Судя по таре, ты имеешь в виду всю бутылку? — впервые за вечер искренне рассмеялась Лоренция.

— А хоть бы и целую! — притворно возмутилась Аня, доставая хрустальные стаканы. — Мы же девочки взрослые, самостоятельные. Имеем полное право накидаться так, как

душе угодно.

Бросив на дно кубики льда, она щедро плеснула ароматный алкоголь. Лоренция с благодарной улыбкой приняла порцию.

— Ну что ж... За здоровье!

Стеклянные грани звонко чокнулись, и подруги сделали по первому крепкому глотку. Вкус хвои и можжевельника обжег горло приятной горечью, мгновенно согревая продрогшую душу и расслабляя сведенные судорогой мышцы.

— Знаешь, Ань, — задумчиво протянула Лоренция, глядя на игру света в стакане. — Я сегодня поняла, как же я счастлива, что в тот морозный вечер почта в моем районе была закрыта. Это была настоящая судьба — приехать именно на Таганку и увидеть забитую в угол девчонку с клетчатым баулом...

— И я каждый день благодарю за это бога, — серьезно кивнула Аня. — В тот вечер я обрела не просто свободу. Я обрела сестру.

— Да, это самое главное, — эхом отозвалась Лоренция. — Мы есть друг у друга.

Аня тепло улыбнулась и вновь салютовала стаканом:

— За нашу семью!

Они выпили еще по глотку. Внезапно комнату сильно повело в сторону. Лоренция почувствовала резкое, тошнотворное головокружение. В висках тяжело запульсировала кровь, а свет люстры расплылся в желтое пятно. То ли сказалось

дикое нервное истощение, то ли крепкий джин вступил в реакцию с остатками снотворного, вколотого в лифте, но тело мгновенно перестало слушаться.

— Ань... прости, я, наверное, пойду лягу. Что-то мне совсем дурно, — заплетающимся языком пробормотала она и попыталась встать, но ноги предательски подкосились.

Аня, увидев, как подруга стала белее мела, в ту же секунду оказалась рядом и подхватила ее под мышки.

— Матерь божья, да на тебе лица нет! Давай-ка я дотащу тебя до кровати, — скомандовала она, взваливая часть веса Лоренции на себя.

— Мне бы... в душ сначала... — слабо запротестовала та, но Аня, не слушая возражений, решительно потащила ее в спальню, где на широкой кровати уже сладко посапывал свернувшийся калачиком Деян.

— Какой к черту душ, ты на ногах не стоишь! Давай быстро под бок к сыну и баю-бай, — шутливо, но безапелляционно скомандовала Аня, аккуратно укладывая Лоренцию на матрас и заботливо укрывая пуховым одеялом.

— Спокойной ночи... — проваливаясь в вязкую темноту, прошептала Лоренция. — Спасибо тебе за все.

Аня наклонилась и бережно поцеловала подругу в горячий лоб.

— Спи спокойно, моя хорошая, — ответила она голосом, переполненным абсолютной преданностью и нежностью.

На цыпочках она вышла из спальни и плотно притворила

дверь. Тишину в квартире нарушало лишь мерное тиканье настенных часов. Вернувшись на кухню, Аня плеснула себе в стакан еще джина. Подойдя к окну, она уперлась лбом в холодное стекло и уставилась на ночной город. Желтые фонари размыто отражались в черных лужах, складываясь в причудливые, рваные узоры.

«Как же несправедлив этот проклятый мир...» — с ледяной яростью подумала она и залпом, словно воду, выпила обжигающее содержимое стакана...

Глава 7: В зеркале памяти

(1997 год)

Неспокойный сон Лоренции прервал очередной колючий удар в левую сторону груди. Это было похоже на укол ножом, от которого на мгновение перехватило дыхание. Она прижала ладонь к сердцу, пытаясь унять эту внезапную вспышку, и замерла, прислушиваясь к бешеному ритму пульса.

Лоренция знала этот пугающий танец слишком хорошо. С пяти лет каждый подобный приступ напоминал ей о хрупкости собственного существования и о том, что смерть всегда ходит где-то рядом. Врач тогда вынес вердикт: «Недостаточность митрального клапана». Эти слова навсегда отпечатались в памяти, словно суровый приговор. Со временем она научилась уживаться со своим недугом и привыкла к боли. Страх, который раньше полностью парализовал волю, теперь стал лишь отдаленным, привычным эхом.

Приняв необходимые лекарства на автопилоте, Лоренция вернулась в постель и попыталась снова уснуть. Но сон как рукой сняло. Обняв сладко спящего сына, она с непередаваемым умилением рассматривала его спокойное, покрытое легким румянцем личико. Длинные черные реснички Деяна слегка подрагивали, точно крылья мотылька. На губах игра-

ла едва заметная улыбка, похожая на солнечный зайчик, запутавшийся в росинке. Малыш неуловимо напоминал ей её саму — ту маленькую девочку, которой она когда-то была: такую же безмятежную и счастливую. Пока в их дом не пришел тот страшный, злополучный день...

Лоренция закрыла глаза, позволив вихрю воспоминаний унести ее в далекое прошлое...

(1975 год)

Мурманск, суровый северный город, где началось ее детство. В памяти она видела себя маленькой девчушкой, бегающей по заснеженным улицам и играющей с соседскими ребятами. Шел 1975 год — эпоха относительной стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Жизнь горожан протекала типично для советского человека: бесконечные очереди в магазинах, дефицит элементарных товаров, тесные коммунальные квартиры — все это являлось неотъемлемой частью повседневности. Но при этом существовала и особая, согревающая атмосфера единства и взаимопомощи, характерная для того общества. В городе работало немало культурных учреждений: кинотеатры, театры, библиотеки. Люди искренне любили ходить на концерты, посещать музеи, заниматься спортом. Особое место в жизни северян занимала подледная рыбалка, которая служила не просто способом добыть пропитание, но и была главным увлечением многих мурманчан.

И несмотря на бытовые трудности, в народе царил искренний оптимизм. Советские граждане свято верили в светлое будущее и построение коммунизма. Патриотические чувства были невероятно сильны: люди гордились своей огромной страной, ее масштабными достижениями и особенно — великой Победой. В обществе существовало нерушимое

чувство сплоченности.

Но вопреки этому всеобщему оптимизму и вере в коммунистические идеалы, в воздухе незримо витала подсознательная тревога. Искренний патриотизм соседствовал с глухим, затаенным страхом, ведь даже в самые благополучные времена находились те, кто ради выгоды или из зависти был готов настрочить донос на соседа в КГБ.

Родители Лоренции особенно остро ощущали эту невидимую опасность. Анастасия Николаевна, мать девочки, в юности училась на журфаке, но была сослана на Север за смелую статью о зверствах большевиков. От неминуемой гибели в лагерях ее спасла лишь заступничество матери — Лидии Ивановны, легендарного героя войны. Но темная тень прошлого никогда не покидала Анастасию. Женщина жила в непреходящем страхе, что семейные тайны будут раскрыты, и она вновь окажется в безжалостных лапах репрессивной машины. Ее печальные глаза и изнуряющие головные боли служили молчаливым свидетельством этих многолетних страданий.

Больше всего Анастасия боялась за свою мать — Лидию Ивановну, которая со времен революции была вынуждена скрываться под фальшивой фамилией, чтобы утаить свое дворянское происхождение. Маленькая графиня Лидия Соболева в тот кошмарный день, когда красные комиссары ворвались в их родовое гнездо и безжалостно вырезали всю семью, в один миг превратилась в безродную сиротку Лидоч-

ку. С тех пор она существовала с вечным чувством страха и вины за то, что выжила, пока ее родные легли в сырую землю. Ей было невыносимо жить под чужим именем, лишь шепотом, содрогаясь от каждого шороха, рассказывать дочке и внучке о своем дворянском детстве, прятать в тайнике старинную иконку и молиться в глубокой темноте.

Мать Лоренции видела эти скрытые слезы, и это знание ее медленно убивало. Высокая, хрупкая, с белоснежной кожей, Анастасия словно сошла со старинного полотна. Ее длинные светлые волосы ниспадали каскадом, оттеняя глубокие карие глаза, в которых навсегда застыла грусть. Алые губы отчетливо выделялись на фоне аристократической бледности лица, подчеркивая изящные, благородные черты. От нее исходил тонкий аромат лаванды и старинных книг, а походка оставалась легкой и грациозной, словно у истинной королевы. Она напоминала тонкую восковую свечу, пламя которой дрожало на ветру, но упрямо не гасло. Такой запомнила Лоренция свою маму. А еще она навсегда усвоила, что страх лежал на их доме, как вечный, густой туман.

Отец Лоренции, Альберто Бенетти, был сицилийцем до мозга костей, несмотря на то что родился в суровых условиях сибирского ГУЛАГа, куда его родителей депортировали в 1944 году. Невысокого роста, с вечно взъерошенными темными волосами и удивительно пронзительными, как лед, голубыми глазами, он обладал несгибаемой силой духа. Его оптимизм был поистине заразителен. И хотя его израненное

сердце отчаянно тосковало по солнечной Сицилии, которую он никогда не видел, и по оставшимся там родственникам, жизнелюбие Альберта не могли сломить никакие невзгоды. Его жесткая щетина, щекотавшая нежные щеки маленькой Лоренции при каждом поцелуе, ощущалась ею как прикосновение теплого солнечного луча к заснеженному полю. Вопреки тяжелой судьбе, этот мужчина излучал искреннюю теплоту, согревая все вокруг.

Его веселый голос часто напевал «La ballata di Pinocchio» Адриано Челентано — песню, которую он впервые услышал в 1972 году, когда на свет появилась Лоренция. Для их маленькой семьи эта мелодия стала негласным символом надежды. Несмотря на то что в СССР свирепствовала жесткая цензура и зарубежная эстрада была недоступна широкой публике, отец знал тексты многих итальянских хитов, находившихся под запретом.

Трудясь спортивным комментатором и регулярно выезжая в командировки в Восточную Европу, он умудрялся тайно привозить контрабандные виниловые пластинки. Из-за этого опасного увлечения в их квартире то и дело случались милицейские облавы, внезапные обыски, изнурительные допросы и полные конфискации дефицитных вещей. Несколько раз Альберта арестовывали.

Лоренция до мельчайших деталей помнила случай, когда отец вернулся из Восточной Германии, раздобыв где-то диковинные кокосы и бананы. Не успел он переступить порог,

как в дверь оглушительно постучали. Папа едва успел попросить Лоренцию унести три тяжелых кокосовых ореха в ее комнату, самую теплую в доме, и оставаться там, «пока злые дяди не уйдут». Ей исполнилось всего три года, но она уже по-взрослому понимала: эти пришедшие люди не просто злые, они — опасные и плохие. О кокосе девочка знала только из сказок и безумно мечтала его попробовать. Поэтому, забежав к себе, она вытряхнула орехи из бумажного пакета и, точно мячики, закатила их поглубже под кровать.

Через пару минут в детскую бесцеремонно ворвались двое здоровенных сотрудников милиции. Малышка затаила дыхание, испуганно наблюдая за их действиями. Один из них, грузный и обозленный, принялся яростно вышвыривать ее платьица и игрушки из шкафа, а второй, бесцеремонно оттолкнув ребенка в сторону, перевернул матрас на постели. Не найдя ничего подозрительного, он опустился на корточки и заглянул под кровать. Все это время Альберто с неизменной, спокойной улыбкой стоял в дверном проеме, молча созерцая грубость незваных гостей.

Обнаружив в темноте кокосы, милиционер попытался их вытащить. Но поскольку кровать была широкой, а проем между каркасом и полом — слишком узким, у него ничего не вышло. Разозлившись, оперативник поднялся и грубо гаркнул отцу:

— Что там за барахло под кроватью прячете? — и, не дожидаясь объяснений, приказал, тыча пальцем в Лоренцию:

— А ну-ка, пусть малявка сама туда залезет и вытащит это дерьмо наружу!

Папа ободряюще кивнул дочке, и Лоренция неохотно поползла под кровать. Тяжелые черные кирзовые сапоги, пытавшиеся раздробить упрямый плод, навсегда врезались в ее память. Милиционер со всей дури пинал выкатившийся ему под ноги кокос, но безуспешно. Лоренция лежала под кроватью, сжавшись в крошечный комок, и единственное, что она видела перед собой, — это несчастный орех, который каждый раз с глухим стуком отскакивал от ударов кирзы. Ей было до смерти страшно, но еще больше ее злил этот грязный сапог, который с каждым пинком лишал ее заветной возможности узнать вкус экзотического лакомства. Казалось, этот кошмар длился целую вечность.

Тот обыск завершился очередным арестом отца. Милиционеры под чистую выгребли все, что он привез: заграничные фрукты, пластинки и даже нарядные платья, которые Альберто купил жене и дочке. В квартире повисла гнетущая, свинцовая тишина. Наступили долгие, мучительные дни ожидания: отпустят ли главу семейства или отправят по этапу в ссылку. Мама, сгорбившись на диване, тихо и непрерывно плакала. Лоренция, маленькая и хрупкая, как могла пыталась навести порядок в разгромленных комнатах, но ее детское сердце сжималось от дикого страха и полного бессилия.

В тот день, который они позже горько окрестили «коко-

совым случаем», отец домой так и не вернулся. И на следующие сутки тоже. Лишь на третий день приехала бабушка Лидия Ивановна, чтобы поддержать угасающую дочь. К этому времени Лоренция кое-как прибрала разбросанные вещи, а жалостливая соседка подкармливала девочку горячим супом. Анастасия словно окаменела от горя — она поднималась с постели лишь пару раз, чтобы дойти до уборной и напиться воды. Увидев на пороге бабушку, Лоренция едва не расплакалась от облегчения. Она свято верила, что появление Лидии Ивановны обязательно поставит маму на ноги. А еще она точно знала: бабушка дойдет до самого высокого начальства в милиции, и папа вернется.

— Настя, сейчас же встань и приведи себя в божеский вид! Я тебя такой не воспитывала, — твердо, не терпящим возражений тоном произнесла бабушка, решительно войдя в спальню родителей. — У тебя ребенок полуголодный ходит, в комнатах черт ногу сломит. Как ты можешь позволять себе малодушно опускать руки? — все так же строго продолжала пожилая женщина.

— Весь этот погром устроили те самые люди, за землю которых ты проливала кровь на фронте... Несмотря на то что их режим уничтожил всю твою семью, — тихим, мертвым голосом отозвалась Анастасия.

Бабушка опустилась на край постели, крепко привлекла к себе сломленную дочь и уже гораздо мягче прошептала:

— Солнышко мое, я воевала за нашу родную землю, за

твое и Лорочкино будущее, а вовсе не за этот режим... — ее голос дрогнул, пока она пыталась утешить своего единственного ребенка.

Вечером того же дня, когда казалось, что последняя надежда окончательно угасла, в прихожей раздался робкий стук. Сердце Лоренции забилось в самом горле. Она подскочила к окну, прижавшись носом к морозному стеклу. Там, внизу, под тусклым светом фонаря, стоял он — ее обожаемый папа! Его волосы были взъерошены, на бледном лице читалась крайняя степень изнеможения, но глаза светились чистым, неподдельным счастьем.

Прямо с порога он оглушительно и весело закричал на весь коридор:

— *Mie amate ragazze! Papà è tornato a casa!*

Лоренция пулей бросилась ему навстречу. Отец подхватил ее, хрупкую, на руки и закружил по прихожей. Его любимая щетина за эти три дня превратилась в густую, колючую бороду, но для Лоренции он все равно оставался самым лучшим, самым сильным папой на свете.

В их доме чаще всего звучала иностранная речь — родители общались на итальянском и французском. Мама обычно вела беседы с дочкой по-французски, а папа — исключительно по-итальянски, так что девочка с пеленок синхронно овладевала двумя сложнейшими языками. Французский ей безумно нравился, но у вечно болевшей мамы редко хватало сил на полноценные занятия с ней. А вот отец с первого

дня ее жизни не умолкал на родном сицилийском наречии. И это дало блестящие плоды — ее самыми первыми лепетными словами стали: *«Amo papà»*.

Каждый год, двадцать восьмого сентября, Альберто неизменно покупал для нее особенный, дорогой подарок, несмотря на то что официальный день рождения Лоренция праздновала лишь первого ноября. Вручая сверток дочке, он каждый раз с нежностью повторял:

— Именно в этот день моя любимая девочка произнесла свои первые слова, которые навсегда останутся в моем сердце.

Лоренция долго не могла взять в толк, почему этот день имел такое сакральное значение для отца. И почему он с точностью до секунды помнил ту дату, в то время как мама всегда слегка раздражалась и ревновала из-за этой семейной традиции. Но когда Лоренция сама стала матерью, она испытала точно такую же трепетную, оглушительную радость, едва ее собственный сын лепетно произнес свое первое слово.

В тот счастливый вечер, сидя за скромным ужином, они очень долго шептались, вспоминая пережитый ужас. Отец негромко рассказывал о допросах в застенках и о том, как до безумия скучал по своим девочкам. Мама слушала его, не отрывая влюбленного взгляда. И хотя за окном мурманская метель с корнем вырывала деревья, в их маленькой столовой царили абсолютное тепло, покой и уют...

(1997 год)

Легкое, невесомое прикосновение маленькой детской ладошки мгновенно вернуло Лоренцию из глубин прошлого. Она открыла глаза и увидела сияющее, заспанное личико Деяна. Нежно погладив сына по пухлой щеке, Лоренция счастливо улыбнулась и, поцеловав его в нос, крепко прижала к себе.

— Доброе утро, солнышко мое, — прошептала она.

— Доброе утро, мамочка! — радостно отозвался Деян. — А ты приготовишь мне завтрак? — безмятежно поинтересовался он.

— Конечно, лапочка моя, — с веселыми нотками в голосе отозвалась Лоренция. — Уже бегу на кухню!

Поднявшись с постели, она накинула шелковый пеньюар, подобрала с пола тапочки, взяла ребенка на руки и направилась по длинному коридору.

Анна уже сидела за столом, лениво потягивая черный кофе. Вся просторная кухня была насквозь пропитана умопомрачительным, горьковатым ароматом свежесваренного напитка.

— Доброе утро, подружка! — весело воскликнула Лоренция, свободной рукой шутливо потрепав и без того растрепанную огненную шевелюру Ани.

— Надеюсь, что доброе... — глухо и как-то грустно ото-

звалась та, делая очередной глоток.

Лоренция усадила Деяна на высокий стул и внимательно вгляделась в лицо подруги. Этот поникший, непривычно тихий тон Ани моментально воскресил в памяти весь кошмар вчерашнего похищения. За окном медленно разгоралась алая заря, затапливая московские крыши светом нового дня.

— Вот увидишь, все обязательно наладится, — как можно бодрее произнесла Лоренция, ласково обняв подругу за плечи.

— Лорка, я с тебя поражаюсь! — то ли с искренним возмущением, то ли с диким восхищением воскликнула Аня. — Ты сама уже по уши в дерьме и проблемах, но твоему оптимизму просто нет предела! Откуда в тебе берется столько чертовых сил?

— Оттуда, — с тихой улыбкой ответила Лоренция, красноречиво указав пальцем в потолок, к небу.

— Доброе утро, — раздался внезапно строгий, чопорный голос за их спинами.

На кухню величественной походкой вошла няня Ольга Николаевна. Пожилая женщина выглядела так, словно только что сошла с подиума на модном показе: волосок к волоску уложенная седая прическа, безупречный легкий макияж и элегантное трикотажное платье благородного цвета спелого персика. Деян с радостным писком тут же соскочил со стула и набросился на нее, крепко обхватив ручонками за ноги. А Лоренция и Аня синхронно, с едва уловимой доброй иро-

нией, склонились перед ней в глубоком, почтительном реверансе.

— Мадам, могу ли я иметь честь предложить вам чашечку кофе? — слегка саркастичным тоном протянула Аня.

Лоренция ощутимо пихнула подругу локтем в бок и поспешила к няне.

— Доброе утро, Ольга Николаевна! Как вам спалось на новом месте? — ласково спросила она, аккуратно пытаясь отцепить сына от подола женщины.

— Доброе утро, Лорочка, — смягчилась Ольга Николаевна и нежно поцеловала девушку в лоб. — Спалось на удивление хорошо. Деянчик, ну а тебе какие сказки снились? — переключив все внимание на ребенка, она подхватила его на руки и направилась к шумящей кофеварке. Проходя мимо замершей Ани, няня ледяным, официальным тоном добавила: — И тебе, надеюсь, спалось без кошмаров, Анна.

— Да как сказать... — задумчиво пробормотала та, снова утыкаясь взглядом в свою чашку.

Лоренция не спеша подошла к кухонному окну и только сейчас, внимательно оглядев панораму, окончательно поняла, что они находятся в Выхино. В конце 90-х этот огромный спальный район Москвы, как и вся остальная столица, переживал период тектонических, болезненных перемен. После относительной стабильности советской эпохи миллионы жителей внезапно столкнулись с жесткой рыночной реальностью, полной фатальной неопределенности и одновременно

— безумных возможностей. Выхино тех лет являлось классическим зеркалом контрастов, где липкий обывательский страх повседневно соседствовал с отчаянной надеждой, а нищета рядовых инженеров — с вызывающим богатством новоявленных коммерсантов. Это было суровое время, которое намертво выковывало характеры целого поколения.

— Аня, мне сегодня кровь из носу нужно встретиться с Савельевым, — не оборачиваясь, тихо произнесла Лоренция, продолжая разглядывать высившуюся неподалеку серую панельную многоэтажку, которая больше напоминала гигантскую клетку для кроликов: крошечные кухоньки, низкие давящие потолки. Типичное экономное жилье, как презрительно именовали его в те годы.

Аня поднялась со стула, бесшумно подошла со спины и хмуро поинтересовалась:

— Прямо горит?

— Да, — твердо, без колебаний отрезала Лоренция.

Они дружили всего около года, но уже научились понимать друг друга с полуслова. Утреннее солнце огромным багровым пятном зависло над бетонной крышей соседнего дома, словно на мгновение остановив ход самого времени. Ржавые, давно не смазанные качели на заброшенной детской площадке внизу тоскливо и пронзительно заскрипели под резким напором ветра, словно вторя тревожным, тяжелым мыслям Лоренции.

— Да, Анют... Очень горит, — еще раз едва слышно по-

вторила она.

И, вскинув руки к лицу, Лоренция пальцами изобразила рамку фотоаппарата, пытаясь мысленно навсегда запечатлеть это прекрасное, багровое и в то же время смертельно опасное утро...

Глава 8: Перекресток судьбы

(1997 год)

Приготовленный Ольгой Николаевной омлет удивительно напоминал тот, что Лоренция однажды пробовала в фешенебельном ресторане Сен-Тропе. Деян, обычно болтливый и любопытный, ел молча, с видимым удовольствием. Сегодня даже его бесконечные «почему» и «почемучки» затихли. Допив какао, мальчик убежал играть со своими игрушками.

Ольга Николаевна, аккуратно поставив чашку в раковину, повернулась к Лоренции:

— Лорочка, мы сегодня также останемся здесь, в этой квартире? — пренебрежительно осмотрев кухню, она остановила вопросительный взгляд на девушке.

— Да, Ольга Николаевна. Сегодня мы все еще останемся в этой квартире, — твердо ответила Аня, не давая Лоренции вставить и слова. — Вы хорошо знаете, что домой и вам, и Лоре с Деяном весьма опасно возвращаться.

Няня с обиженным видом направилась к выходу, лишь пробормотав:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.